

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 251

М.Н. ГУБОГЛО

**ГАГАУЗИЯ И
ПРИДНЕСТРОВЬЕ –
ЮГО-ЗАПАДНЫЕ ФОРПОСТЫ
РУССКОГО МИРА
(по итогам этносоциологических
исследований)**

**Москва
2016**

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И
НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 251

М.Н. Губогло

**ГАГАУЗИЯ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ – ЮГО-ЗАПАДНЫЕ
ФОРПОСТЫ РУССКОГО МИРА**
(по итогам этносоциологических исследований)

*Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00372а
«Двуязычие как социальная реальность. Теория и практика языковой жизни
российской нации»*

Москва
ИЭА РАН
2016

ББК 323.1+81'27(478.9)
УДК 66,5(4Мол)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
д.и.н. М.Ю. Мартынова (отв. ред.),
академик РАН В.А. Тишков,
к.и.н. Н.А. Лопуленко.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Г-93 Губогло М.Н.

Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты Русского мира
(по итогам этносоциологических исследований) / Исследования по
прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2016. – Вып.
251. – 57 с.

ISBN 978-5-4211-0159-8

В ходе выявления и осмысления разнообразных источников, в т.ч. путём проведения этносоциологического опроса, проверена гипотеза относительно миротворческой роли двуязычия и многоязычия в форпостах российской нации и Русского мира – в Приднестровье и Гагаузии. Подтвердилась идея о том, что в деле создания социального капитала, утверждения принципов доверия с целью обеспечения порядка в конкретном полиэтническом регионе важная роль принадлежит лояльности языковой политики. Решение трёх взаимосвязанных задач: 1) компилятивно-исторической, воссоздающей место языковой жизни в оптимизации этносоциальной реальности, 2) сравнительно-исторической, преследующей цель осмысления языкового репертуара населения в регионах ближнего зарубежья, 3) этносоциологической, основанной на анализе материалов переписей населения и данных этносоциологических опросов, позволило сделать вывод об устойчивости этнополитической ситуации (на примере Приднестровья и Гагаузии), об успешном противодействии внешним силам, преследующим цели по дестабилизации обстановки и разжиганию межэтнического конфликта и, наконец, о позитивной роли языковой лояльности в сохранении самобытности народов в регионах с этнически сложным составом населения.

© ИЭА РАН – 2016 г.
© М.Н. Губогло – 2016 г.

М.Н. Губогло

**Гагаузия и Приднестровье –
юго-западные форпосты Русского мира
(по итогам этносоциологических исследований)**

Resume

**GAGAUZIA AND TRANSNISTRIA - SOUTH-WESTERN OUTPOST OF THE RUSSIAN
WORLD (ON THE BASIS OF ETHNO-SOCIOLOGICAL SURVEYS)**

In the course of identifying and understanding of a variety of sources, including those obtained during ethnosociological survey was tested the hypothesis regarding the peacekeeping role of bilingualism and multilingualism in the outposts of the Russian nation and the Russian world – in Transnistria and Gagauzia, in the Crimea and Bucak. Was confirmed the idea that in the course of the creation of social capital, the formation of the principles of trust with the purpose to ensure order in particular multi-ethnic region, an important role plays loyalty of (to) language policy. Solution of three interrelated tasks – 1) compilative-historical, which recreates (reconstructs) place of linguistic life in optimization of ethno-social reality, 2) comparative-historical, which aims at understanding of language repertoire of the population in the regions of former Soviet republics, 3) ethnosociological, based on the analysis of census materials and data of ethnosociological surveys – allowed to make the conclusion about the stability of ethno-political situation (for example, in Transnistria, Crimea and Gagauzia), about the successful counteraction to external forces, pursuing the goal of destabilizing the situation and inciting (rousing) of interethnic conflict and, finally, the positive role of linguistic loyalty in the preservation of the originality of peoples in regions with ethnically complex composition of the population.

*Посвящается
25-летнему юбилею независимости
Приднестровья*

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава 1. Языковые ресурсы «Русского мира»</i>	10
<i>Глава 2. Доверие и двуязычие как социальный капитал</i>	25
Люди, которым доверяют	25
Критерии межличностного доверия.....	27
Доверие представителям разных национальностей.....	29
Доверие религии и церкви	31
Доверие к партнёрам по работе и соседям	32
Доверие органам власти	34
Доверие врачам и учителям	34
Большинству людей можно ли доверять?	36
Можно ли доверять властям и чиновникам?	39
Доверие правительству и политическим партиям	42
Доверие СМИ.....	43
<i>Заключение</i>	45
ПРИМЕЧАНИЯ	49
ЛИТЕРАТУРА	51

Предисловие

2 сентября 2015 г. общественность Республики Молдова и России отметила четвертьвековой юбилей существования **непризнанной** Приднестровской Молдавской Республики. Между тем, вопреки итогам референдума 2006 г., когда 97,1% жителей Приднестровья проголосовали за «независимость и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации», у руководства России не хватило решимости для официального признания непризнанной республики.

Позиция Москвы до сих пор остаётся не вполне понятной, хотя многим хорошо известны её усилия (материальные, политические и гуманитарные) по оказанию поддержки населению Приднестровья, особенно после 2008 г. Многие эксперты уверены в том, что гарантией безопасности и существования ПМР является её политическое признание как независимой республики.

Игнорирование свободного волеизъявления полумиллионного населения Приднестровья может резко ухудшить там ситуацию, ударить по геополитическим интересам России на юго-западе, а в конечном итоге – снизить уровень доверия российскому руководству со стороны народов бывшего Советского Союза.

Наряду с надбавкой к пенсиям, кредитованием агропромышленного корпуса, финансированием образовательных программ и подготовкой кадров в ноябре 2012 г. в ПМР была создана некоммерческая организация «Евразийская интеграция», положившая начало широкомасштабному строительству социально ориентированных объектов.

В противовес эскалации экономической блокады, развёрнутой Республикой Молдова и Украиной по инициативе и под руководством США и западных советников, в 2014 г. Приднестровье и Россия подписали ряд документов о межгосударственном сотрудничестве в сфере экономики, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, антимонопольной деятельности, в области образования, науки и культуры.

Тотальное наступление на суверенитет Приднестровья, какой бы обречённой ни представлялась его судьба, не снимает задачи по исследованию его истории, показавшей несостоятельность идеи молдавского нацистроительства путём создания этнократической государственности на правом берегу Днестра с монопольными полномочиями численно доминирующего этноса. Даже в случае, если с подачи США современные правящие круги Кишинёва согласятся на федерализацию Республики Молдова, а Приднестровский регион принудительно вернут в её состав, лишив государственной атрибутики, урезав суверенитет и низведя его статус до уровня некоего автономного образования с ограниченными полномочиями, вряд ли ослабнет исторически сложившееся единство приднестровцев, цементирующее уникальной региональной идентичностью¹.

Между тем, важнейшей проблемой, которую необходимо будет решать политикам Тирасполя и Кишинёва, в случае если их заставят сесть за стол переговоров, будет состоять в генерировании доверия, которого нет в расколотой Молдавии. По словам авторитетных экспертов, в настоящее время в Республике Молдова «девяносто процентов населения не доверяют парламенту, правительству, политическим партиям, более восьмидесяти процентов не доверяют юстиции – всё это показатели недоверия государству в целом и его институтам»².

В связи с этим непреходящее значение имеет исследование этнополитической, социокультурной и этноязыковой ситуации в Приднестровье, что и стало основной задачей в данной работе. Исторический опыт складывания и функционирования региональной идентичности приднестровцев, сумевших за четверть века сконструировать консолидированный социум, в котором исключена дискриминация по этническому признаку, сохранено межэтническое доверие, взаимопонимание и согласие³.

Феномен *доверия* – один из ключевых во взаимоотношениях власти и культуры, государственности и этничности. Более того, наряду с групповым и цивилизационным уровнем, *доверие* не менее значимо и востребовано в межличностных отношениях в плотной ткани повседневной жизни. В предлагаемой работе анализируются отдельные фрагменты этноязыковой жизни и прежде всего – этническая мобилизация, двуязычие и референдум 2006 г. за самоопределение; в известном смысле она является продолжением исследований в ранее опубликованной монографии «Антропология повседневности» (М., 2013), построенной преимущественно на материалах художественной литературы и живописи, дополненной личными полевыми наблюдениями и воспоминаниями автора⁴.

Как, в частности, уже было показано на примере этнокультурного и этнополитического опыта гагаузов, крутой волне этнической мобилизации предшествуют и нередко сопровождают его «культурные продукты». В сфере поэзии, художественной прозы, беллетристики и публицистики, музыки, живописи в образной и метафорической форме изображается этническая идентичность как любовь к своему народу и месту обитания, причём нередко пропитанная духом самопожертвования.

Казалось бы, что проще и очевиднее чем явление и феномен *доверия*? Между тем, вместе с этничностью оно (доверие) одна из инноваций, подобно Колумбову открытию в самообновляющейся этнополитической нации, как важной отрасли гуманитарного знания о народах, культурах и цивилизациях.

В социальном и политическом вызревании референдумов, проведённых в конце прошлого и начале нового столетия, немалую роль сыграли уроки и опыт этнических мобилизаций, развернувшихся накануне и в первые годы после развала Советского Союза. Этносоциологические исследования позволили сделать вывод о том, что в повестке дня тех и других важное место занимали вопросы *доверия* с це-

лью решения проблем самоопределения. Опыт этих демократических по сути, этнически окрашенных процессов, представляет исключительно важный фрагмент этнополитической и этнокультурной истории народов, до сих пор остающихся не охваченным историко-сравнительным и этнополитическим исследованием, вопреки изобилию беллетристики и текущей периодической печати.

Более того, до сих пор не обсуждена в полной мере парадигма, согласно которой ключевой характеристикой этнической мобилизации явилось стремление этнических элит ставить и решать свои задачи на основе межличностного и межгруппового доверия. Хотя понятно, что едва ли не любая парадигма не может существовать вечно.

Опыт референдумов как пример успешного социального института, состоявшегося не только в постсоветском пространстве, но и в ряде европейских стран, подтверждает справедливость теории американского социолога японского происхождения Френсиса Фукуямы в том, что *доверие* может служить лакмусовой бумажкой развивающегося общества и ответом индигенизации⁵ на вызовы глобализации.

Как показали этносоциологические и социолингвистические исследования и мировая практика, немаловажным фактором достижения доверия в многоэтнических сообществах, в т.ч. на постсоветском пространстве, служит двуязычие как мощный инструмент личностных и институциональных коммуникаций⁶.

Если согласиться с Самюэлем Хантингтоном и допустить при этом, что основой порядка в широком смысле выступает *доверие*, то можно думать, что «...столкновение цивилизаций является наибольшей угрозой миру во всём мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самым надёжным средством предупреждения мировой войны»⁷.

Парад этнических мобилизаций в первом постсоветском десятилетии продемонстрировал красноречивые и весьма убедительные примеры того, что феномен *доверия* в ряде случаев определяет процесс в этнополитической и этнокультурной истории народов. Каждая конкретная этническая мобилизация в той или иной форме и с тем или иным результатом способствовала «самореализации» определённой совокупности людей, предрасположенных к самосохранению и самоопределению в том или ином формате, как в территориальном, так и в экстерриториальном.

Бенедикт Андерсон доверительно и сочувственно цитирует мысль Эрнеста Геллнера, соглашаясь с его выводом о том, что «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует»⁸.

В самом деле, в недрах доктринальных полуфабрикатов и лозунгов, с которыми пассионарная часть этнических элит поднимала свой народ на этническую мобилизацию в начале 1990-х и на референдумы в первые десятилетия XXI в., маячила цель конструирования нации или хотя бы обретения самоопределения в виде территориальной или экстерриториальной автономии.

Нельзя не согласиться с Френсисом Фукуямой, как это уже сделали сотни читателей жанра его политико-экономических исследований, что вопреки явно завышенной оценке доверия, предопределяющего более сильное влияние на успешное развитие «человеческого общества», чем внедрение, с одной стороны, рыночной экономики и демократических институтов, а с другой – чем приверженность традиционной культуре.

На многотрудном пути к «самореализации» сегодня, в середине второго десятилетия нового тысячелетия, похоже, подтверждается прогноз ещё одного американского политолога – Самюэля Хантингтона. Он, как известно, анализируя соотношение роли экономики, культуры и религии, предложил теорию движения народов к эпохе «столкновения цивилизаций», когда идеология перестаёт быть первоосновой самоидентификации государств и народов, и её место занимает культура.

Атака на российский лайнер над Синайским полуостровом и на столицу Франции осенью 2015 г., а также совместные российские, французские и американские бомбардировки террористов в Сирии свидетельствуют, что новые конфликты будут скорее всего не между фашизмом и демократией, а между крупнейшими мировыми цивилизациями, например, западной и исламской.

Успешное социальное взросление и этнополитическое вызревание участников этнической мобилизации послужило им своего рода «наградой» за соучастие в трансформационных процессах, которые не могли бы принести успех, если бы не достигались *путём доверия* как гаранта внутренней гармонии, без которой не было движения к хозяйственному процветанию и гуманитарному прозрению.

Сравнительные исследования опыта этнической мобилизации и парада референдумов имеет чрезвычайно важное значение, т.к. сегодня становится жизненно актуальным иметь более глубокое понимание в отношении, во-первых, того, что делает культуры различными, во-вторых, того, как соотносятся в менталитете носителей различных культур функции этничности и государственности и, в-третьих, какую роль играют культурные различия в складывании традиций доверия–недоверия.

При таком понимании соотношения культуры и доверия как социального капитала, становится более или менее понятным, почему государственные деятели воспринимают угрозу для своей страны в зависимости от реальных или мнимых нападений других стран, при том, что сами нападения, а также способы их реализации в значительной степени детерминируются культурными особенностями. «Общественные и политические деятели, – как утверждал Самюэль Хантингтон, – в меньшей мере склонны видеть угрозу в людях, которых, как им кажется, они понимают. Они склонны доверять им из-за родства языка, религии, системы ценностей, законов и культуры. И те же политики куда более расположены видеть угрозу в странах с чуждой культурой, и таким образом, они не доверяют им и не понимают их»⁹.

И хотя американского автора нельзя упрекнуть в искренности и надёжности сделанных им выводов относительно корреляций между культурой и доверием, всё

же в некоторых случаях трудно согласиться с некоторыми его аксиоматичными суждениями. Так, например, он считает, что «люди не доверяют тем, кто отличается от них и имеет возможность причинить им вред, и видят в них угрозу»¹⁰. Каким бы высоким ни был авторитет этого автора, всё же приведённая им аксиома нуждается в подтверждении на основе этносоциологических обследований.

Фактический и моральный износ советской системы управления, скорее декоративный и декларативный, чем реальный характер демократических институтов, вместе с рядом других объективных и субъективных факторов в конце XX в. привели к расшатыванию социалистической государственности, а в конечном счёте к развалу СССР. Снижение *доверия* к хиреющей роли КПСС и геронтакратическому истеблишменту, катализировало размыв институтов и государственных, и демократических институтов. Вместе с эрозией идеологии пролетарского интернационализма как доктрины, цементирующей формирование и функционирование доверия, наступило такое состояние общества, когда люди утратили не только групповое доверие к системе, но и индивидуальное ощущение советскости. Советскость уступила место добровольным формам организации сообщества на основе этничности, посредством которой люди могли преодолевать ощущение психологической разобщённости и страховать себя от оглушительной неопределённости и наплыва глобализации. Страх и риски перед накатом иных, неведомых высших сил, затягивающих деидеологизированных людей в разрушительный водоворот деэтнизации и деиндигенизации породил энергию добровольной самоорганизации на основе этничности.

Инфантильный центр, не обладавший значительным преимуществом в социально-экономическом и социокультурном уровне, уже не был в состоянии силой погасить взбухающие спазмы национальных движений. К концу 1980-х гг. этнические мобилизаторы в бывших автономных республиках РСФСР уже располагали готовыми социокультурными средствами и прежде всего высоким образовательным уровнем и профессиональными навыками, достаточными для того, чтобы успешно за себя постоять. Теоретически их можно было бы подчинить экономически и даже эксплуатировать, но без их лояльности и без их поддержки трудно было бы приостановить надвигающуюся этнополитическую турбулентность России.

В ряде этносоциологических исследований авторы задаются вопросом, как соотносится власть и доверие. Однако при этом не всегда проясняется исходная позиция того, что власть – это возможность одного человека или группы влиять на поведение другого человека или группы. Поведение можно изменить материальной заинтересованностью, духовным стимулом, убеждением или принуждением. Все эти практики требуют от обладателя власти экономических, демографических, военных, политических, технологических, социальных и иных ресурсов. Однако в этом перечне, обычно встречающемся в ряде сочинений европейских авторов, часто отсутствует фактор *доверия* как один из способов влияния.

В основу данного исследования положены материалы о взаимосвязи между двуязычием, доверием и доктриной самоопределения, собранные во время российско-американского этносоциологического опроса, проведённого ЦИМО ИЭА РАН в 1998 г. по проекту «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» (авторы и руководители – Дэвид Лейтин, США и Михаил Губогло, Россия). Его центральная задача состояла в выяснении места и роли многообразия языковой жизни и идентичностей, их влияние на этнополитический климат. Часть теоретических разработок о соотношении региональной и этнической идентичности уже была опубликована¹¹.

Благодаря серии этносоциологических опросов, проведённых под руководством Р.А. Старченко в Крыму и в Приднестровье в 2014–2015 гг. по программе, частично сопоставимой с проектом 1998 г., появилась возможность для сравнительно-антропологического осмысления изменений этнополитических ситуаций на постсоветском пространстве за истекшие полтора десятка лет. По хронологическим меркам этот период представляет собой лишь краткий фрагмент истории межэтнических отношений в регионах со смешанным этническим составом. Тем не менее в силу динамических трансформаций политических, социально-экономических и геополитических условий этот период имеет исключительно важное значение в сохранении привлекательности и притягательности «Русского мира»¹².

Глава 1. Языковые ресурсы «Русского мира»

«Языковая революция» 1989 г., доктринальной основой которой стала «идеология этнократической государственности», была инициирована и реализована кишинёвской промолдавской политической, научной и художественной элитой. «Революция» расколола единую в советские времена Молдавскую ССР по региональному и этническому признакам. Углубление этого раскола продолжалось по мере перехода части элиты от промолдавской ориентации на сторону приверженцев румынизации, а среди населения Правобережной Молдовы всё сильнее раскручивался маховик переэтнизации молдаван в румын.

У сотрудников ЦИМО ИЭА РАН была возможность следить за динамикой и эволюцией этой революционной «перезагрузки» с момента выхода Молдавской Республики из состава СССР и вплоть до последнего времени. Важным аспектом и содержанием этноязыковой и этнополитической жизни за весь постсоветский период стала адаптация и затем последовательное правовое оформление этнорегиональной идентичности Приднестровья и Гагаузии. Процесс до сих пор не завершился, о чём свидетельствует сам факт суверенной самопровозглашённой, но не признанной Приднестровской Республики и появление на политической арене, хотя и в сильно усечённом виде гагаузской государственности в форме национально-территориальной автономии «Гагауз Ери».

Основным источником для подготовки теоретических разработок, посвящённых взаимосвязи этноязыковых и этнополитических процессов в Приднестровье,

Гагаузии и правобережной Молдавии, послужили уже упоминавшееся российско-американское этносоциологическое исследование 1998 г. с участием и при поддержке Приднестровского и Комратского университетов, а также этносоциологический опрос 2006 г. в Гагаузии, проведённый синхронно с референдумом в Приднестровье при поддержке РГНФ по проекту «Оптимизация трансформационных процессов в Республике Молдова (постсоветский период)».

Кроме традиционных в этносоциологии и социолингвистике вопросов о степени владения языками, а также о том кто, где и когда использует их в различных сферах жизни в соответствии с постсоветскими вызовами, в программы включались задачи по выявлению общественного мнения о новых стандартах языковой жизни, декретированных новоявленной прорумынской политической элитой Кишинёва, но не воспринятых населением русскоязычных регионов Республики Молдова. Особый интерес представляет глубина раскола между и внутри каждого региона по поводу «отмены» правовой основы двуязычия и перспективы законодательного утверждения двуязычия в качестве основы языковой и этнической политики.

В 1998 г. телепередачи на молдавском языке смотрели всего лишь 14% жителей Гагаузии, в то же время в других частях республики, кроме Приднестровья, – каждые двое из трёх телезрителей. Соответственно «иногда», «редко» или «никогда» не включали телевизор на молдавском языке 86% в Гагаузии и 37% – в остальной Молдове. Противоположная практика была выявлена опросом в просмотре телепередач на русском языке. Почти всё население Гагаузии (91,6%) «часто» или «очень часто» смотрело телепередачи на русском языке, в остальной Молдове – 87,7%. По прошествии почти десяти лет после «языковой революции» телезрители Республики Молдова ещё не были разделены по этническому признаку, т.к. на русском языке предпочитали смотреть телепередачи 84,4% молдаван, 90,8% русских, 96,4% украинцев и поголовно все остальные национальности, за исключением многочисленной группы, называвших себя румынами.

В соответствии с единой региональной идентичностью приднестровские телезрители демонстрировали сходные вкусы в просмотре телепередач на русском языке. Размах вариации между украинцами (95,9%) и русскими (99,1%) составил ничтожную величину – всего 3,2%. Что касается языка телепередач на двух других языках, то здесь различия были существенными, подтверждая высказанную выше закономерность о сохранении языков своей национальности наряду с приобщением к русскому. Каждые четверо из пятерых молдаван смотрели телепередачи на молдавском языке в 3,5 раза чаще, чем русские, и в 4,3 раза чаще, чем украинцы. Каждые трое из четверых украинцев, в свою очередь, смотрели телепередачи на украинском языке в 2,4 раза чаще, чем молдаване, и в 1,8 раза чаще, чем русские.

Исследования языковой жизни и языковой идентичности в постсоветских странах ближнего зарубежья породили интенсивные дискуссии по поводу право-

мерности употребления нового понятия «рускоязычное население». В конце первого постсоветского десятилетия мало кто понимал его истинное содержание, но, отвечая на вопрос «считают ли себя представителями русскоязычного населения», люди выражали своё отношение к русскому языку. Немногим более половины населения Гагаузии (52,4%) отнесли себя к этой категории лиц. Ещё четверть осторожно указали, что, хотя и не принадлежат к этой категории, но хорошо знают и понимают о чём идёт речь. В среде молдавского населения Республики Молдова охотников причислить себя к русскоязычному населению оказалось не более одной трети населения. При этом только 16,1% лиц молдавской национальности, но 82,9% украинцев считали, что принадлежат к русскоязычному населению государства.

С особой силой протестовала против этого понятия часть молдаван, назвавшая себя румынами. Каждый второй из них считал, что понятие «рускоязычное население» не является реальной лингво-социальной категорией. Ещё 41% откритиковались от этой категории населения с некоторыми оговорками.

Принятое властями постсоветских прибалтийских республик решение лишать русских и русскоязычное население гражданских прав эхом отзывалось и в Республике Молдова. Лишь менее, чем каждый десятый житель (8,0%) в Гагаузии, но более чем каждый пятый (22,6%) по остальной Молдове (кроме ПМР) выразили определённое согласие с тем, что «гражданами Молдовы с правом голосования могут быть только те, кто владеет молдавским языком». Преобладающее же большинство в Гагаузии (90,4%), как и значительное большинство населения республики (73,8%), высказались против подобной правовой нормы. При этом среди лиц молдавской национальности за возможность ущемления гражданских прав по языковому признаку высказались 27%, среди русских и украинцев соответственно 2,6 и 2,4%. Самыми последовательными сторонниками лишения гражданских прав за незнание молдавского языка были лица, считающие себя румынами.

С особой силой и единодушием протестовали против языковой дискриминации, вводимой правящей элитой Кишинёва, жители Приднестровья. 86,3% молдаван, 88,8% украинцев и 90,3% русских в Приднестровье высказались против того, чтобы гражданами Республики Молдова с правом на голосование могли быть только те, кто владеет молдавским языком (опрос 1998 г.).

Решительно протестуя против лишения гражданских прав за незнание молдавского языка, население Гагаузии вместе с тем выявило удивительную толерантность в отношении того, что президент Республики Молдова должен свободно владеть молдавским языком. Во всяком случае такой позиции придерживались более чем каждые четверо из пяти (86,4%) жителей Гагаузии и 95,8% жителей остальной части страны.

Хотя надо признать, что в целом по Республике Молдова (кроме Гагаузии и Приднестровья) выявились некоторые различия в этническом разрезе. За безогово-

рочное признание обязанности и долга президента владеть молдавским языком отдали свои голоса 92% молдаван, 81,7% украинцев, 80,5% русских и 57,9% представителей других национальностей.

Высокая степень толерантности к обязанности президента Республики Молдова свободно владеть молдавским языком, не мешала жителям Приднестровья и Гагаузии не менее решительно выступать против придания только молдавскому языку правовую основу единственного государственного языка в многоэтничной и мультязыковой стране. С подобной политикой выявили несогласие более чем каждые четыре из пятых (85,2%) жителей Гагаузии и только каждые двое из пятых (40,9%) жителей остальной Молдовы. В той или иной мере с таким подходом согласились каждый десятый житель Гагаузии (11,2%) и более половины – населения Республики Молдова (54,5%).

Ещё более решительными противниками этой нормы высказались в ходе опроса 1998 г. 92,1% русских и 93,9% украинцев Приднестровья.

В позициях граждан РМ по поводу молдавского языка как единственного государственного, выявились значительные расхождения. В отличие от 70,0% молдаван, выразивших согласие с утверждением о необходимости молдавского языка как единственного государственного, лишь только 7,9% русских, 19,5% украинцев и 5,2% «других» поддержали эту позицию.

Предметом особенно острых дискуссий в сфере этногосударственных и межэтнических отношений, особенно в ходе избирательных кампаний, в Республике Молдова был и до сих пор остаётся вопрос о русском языке как втором государственном языке в республике. Его исключительная значимость для русскоязычного коммуникативного пространства в республике находится в одном типологическом ряду с вопросом государственного устройства в форме федерализации. Не случайно отказ от решения этих взаимосвязанных проблем в соседней Украине привело в конце концов к выходу Крыма из состава страны и гражданской войне в двух областях на юго-востоке Украины и к волнениям в ряде других регионов.

Жизнь показывает, что межэтнический и межрегиональный раскол Республики Молдова во многом был предопределён не только противоречиями между Кишинёвом и регионами, но и отсутствием в правобережной части, в отличие от Приднестровья и Гагаузии, устойчивой этнорегиональной идентичности. Русский язык хотели бы видеть в качестве второго государственного языка почти 90% жителей Гагаузии и только 58,8% в остальных регионах страны. Раскол населения страны по стратегии языковой политики, также как по вопросу федерализации страны, особенно наглядно проявляется в этническом разрезе. В Приднестровье за русский язык, как второй государственный, высказались в ходе этносоциологического опроса 1998 г. каждые четверо из пятых молдаван, 92,9% русских и 91,8% украинцев.

Вряд ли в ближайшее время, в жизни одного–двух поколений языковая ситуация в Республике Молдова может измениться кардинальным образом, чтобы

можно было требовать или ожидать, чтобы все лица, проживающие в ней (независимо от национальности), свободно владели молдавским языком. В такой тренд формирования этноязыковой ситуации не верили 60,8% жителей Гагаузии и 23,5% населения страны. «Безусловно» или «скорее согласны» с такой перспективой, как выявилось в 1998 г., были 35,2% жителей Гагаузии и 71,5% – республики, в т.ч. 80,9% молдаван, 36,8% русских, 48,7% украинцев и 50,0% лиц из числа представителей «других» национальностей. Люди, назвавшие себя румынами, едва ли не поголовно (95,9%) выступили сторонниками принудительной румынизации.

Итак, исключительная лояльность двуязычного (русского и гагаузского) населения к молдавскому языку, как языку самого многочисленного в республике молдавского населения, даёт основание отвергать обвинения гагаузов и приднестровцев в сепаратизме. На самом деле их языковая лояльность к официальным аспектам общественной жизни подтверждается их готовностью быть опорой молдавской государственности в том случае, если радикализованные элементы румынофильской части политической элиты Кишинёва решатся на потерю страной своего суверенитета в связи с согласием принять участие в создании т.н. Великой Румынии от Дуная едва ли не до самого Днепра.

Затянувшийся на четверть века приднестровский конфликт неустанно привлекает внимание экспертов и политиков к динамике этноязыковых процессов в Приднестровской Молдавской Республике и порождает время от времени различного рода проекты урегулирования в надежде, что первоочередное предварительное решение языковых проблем позволит в той или иной мере оптимизировать и этническую политику. Относительно с недавних пор, скажем с момента выхода в свет трудов Джошуа Фишмана, Дональда Хоровица, Джозефа Ротшильда, указавших на глубокие связи языка и этнической идентичности и тем самым ставших вдохновителями многих исследований, в т.ч. и моих, этнополитики, этноязыковых процессов и роли языка в сфере этногосударственных отношений¹³.

Между тем мной неоднократно высказывалась простая мысль о невозможности окончательного преодоления проблем Приднестровья, в т.ч. во взаимоотношении с правящей кишинёвской элитой, без решения двух принципиальных задач: оптимизации языковой политики в Республике Молдова и без совершенствования её государственного устройства. В первом случае речь идёт о придании русскому языку, которым владеют поголовно все гагаузы и приднестровцы, а также вместе с более половиной молдаван правобережья почти все жители немолдавской национальности.

В самой Приднестровской республике языковая проблема решена естественным ходом складывания и развития языковой ситуации, которая не вызывает дискомфорта в повседневной жизни приднестровцев. Более чем четверым из пятерых русских, молдаван и украинцев за последние два года не приходилось испытывать сколько-нибудь негативного к себе отношения ни по признаку этнической принад-

лежности, ни по репертуару своей языковой жизни. Комфортная языковая жизнь обеспечивалась двумя факторами: во-первых, владением русским языком представителями всех национальностей и, во-вторых, значительным распространением среди многих граждан наряду с владением языком своего народа знания других языков. Языковая лояльность на межэтническом уровне обеспечивала в известной мере снижение напряжённости в тревожной атмосфере нерешённости статуса ПМР по нормам и принципам международного права. Об этом можно судить по тому, что без малого каждый русский, молдаванин и украинец, даже в условиях преодоления вооружённого конфликта, чувствовали определённые угрозы своему существованию (см. табл. 1).

Таблица 1

**Миротворческий потенциал этноязыковой ситуации в Приднестровье
(в % по итогам этносоциологического опроса 2015 г.)**

Национальности	Приходилось ли за последний год испытывать:					
	Негативное к себе отношение				Угрозу для себя лично	
	Из-за этнической принадлежности		Из-за языка, на котором разговариваете			
	да	нет	да	нет	да	нет
Молдаване	8,0	86,3	8,5	85,9	17,6	76,0
Русские	7,3	86,7	6,0	88,2	18,9	74,7
Украинцы	9,1	84,1	6,8	89,1	17,2	78,3

Таким образом залогом бесконфликтного состояния в современном Приднестровье служит двуязычие и многоязычие. При этом знание двух или более языков совсем не обязательно предполагает адекватное знание каждого из них, включая речевое поведение как в устной разговорной форме, так и в литературной форме, предполагающей умение читать и писать.

Языковые компетенции приднестровцев в середине второго десятилетия нового тысячелетия отличались многообразием. При почти полном (всеохватном) знании русского языка, каждые двое из пятерых молдаван свободно владели молдавским языком и почти каждый пятый – украинским. Среди русского населения знание молдавского и украинского языков ограничивалось интервалом от 4,2% владеющих украинским до 6,3% владеющих молдавским. На языке своей национальности думали, свободно разговаривали, могли читать и писать без малого каждый четвёртый украинец и ещё около 3,4% знали молдавский язык (см. табл. 2).

В условиях плотных коммуникационных сетей, этнически смешанных трудовых коллективов и семейных пар двуязычие возникало естественным путём. Поэтому обычными для этноязыковой ситуации особенно в городах зарождалось т.н. простонародное двуязычие без владения вторым или третьим иноэтническим языком в его литературной форме.

Немногим более половины молдаван Приднестровья могло говорить и даже читать на украинском языке. Едва ли не двое из троих русских владели только разговорным вариантом молдавского и украинского языка, а более половины украинцев могли говорить и читать на молдавском (см. табл. 2).

Таблица 2

Масштабы и уровень двуязычия и многоязычия в языковом репертуаре приднестровцев (в % по итога этносоциологического опроса 2015 г.)

Национальности	В какой степени владеют языками					
	Думают, свободно говорят, читают, пишут на языках:			Могут говорить и читать, но не думают на другом языке:		
	рус-ском	молдав-ском	украин-ском	рус-ском	молдав-ском	украин-ском
Молдаване	92,3	44,4	17,4	7,8	45,8	52,2
Русские	97,8	6,3	4,2	2,2	64,7	65,2
Украинцы	95,4	3,4	22,4	4,6	58,5	56,7

Преобладание русского языка в политической и экономической жизни, а также в образовательной сфере обеспечивает его знание и использование в литературной форме и одновременно подпитывает региональную и политическую консолидацию. Вместе с тем конституционное обеспечение прав молдавского и украинского языков служит надёжной основой для их сохранения в разговорной форме в неофициальных сферах повседневной жизни.

Престиж и рационализация языкового репертуара приднестровцев складывается из притягательности литературного русского языка, как языка государственной консолидации и доступа к мировым культурным ценностям. Владение вторым или третьим языком хотя бы на уровне повседневных общений, служит дополнительным показателем верности своему региону и приверженности своей более чем двухвековой традиции совместного проживания.

Сохранение в Приднестровье в течение более двух столетий со времени его включения в состав Императорской России многоэтничного населения служит одним из условий воспроизводства практики двуязычия и многоязычия. В качестве аналога исторической и социолингвистической судьбы служат речевые репертуары населения в районах соседнего Буджака, хотя и разделённых молдавско-украинской государственной границей, но единых в исторически сложившихся практиках двуязычия и многоязычия. Компактное проживание и схожесть исторической судьбы на территории, освоенной переселенческими потоками предков современного населения Приднестровья и Буджака сформировало, как отмечается в недавно опубликованном историко-этнографическом фолианте «Буджак»: «Так называемый “интуитивный коммуникационный код”, который сохранялся и транслировался всей группой независимо от социальных и политических препятствий. Наличие такого кода, — как установили авторы «Буджака», — обуславливает способность любой ди-

аспоры восстанавливать элементы этничности и этнические черты в условиях небольшой численности, иноэтнического окружения...». Более того, как продолжают авторы в той же книге, «болгарские», «гагаузские», «немецкие», «русские» и другие диаспоры на протяжении времени своего существования чётко регламентировали имеющуюся коммуникативную дистанцию, используя ради этого язык. Так, почти все члены перечисленных групп трёх- или четырёхязычные, они свободно владели «своими», «внутренними» языками, что обуславливало внутреннее единство и возможность «изолироваться», а также в достаточной мере пользовались «внешними» языками румынским, русским и украинским или языком близких соседей¹⁴.

По данным этносоциологического опроса 2006 г., каждый второй гагауз и немногим более половины проживающих в Гагаузии русских и болгар в той или иной мере владели молдавским языком, в т.ч. немногим более чем каждый десятый русский и болгарин владели его литературной формой, т.е. могли думать, умели читать и писать (см. табл. 3).

Каждый третий русский и болгарин хотя и с затруднениями или с большим трудом могли разговаривать на гагаузском языке. Кроме того, каждый пятый русский, немногим более чем каждый десятый гагауз сносно владели болгарским языком в мере, достаточной, чтобы общаться с его помощью (см. табл. 3).

Таблица 3

Владение языками в Гагаузии
(в % по итогам этносоциологического опроса 2006 г.)

<i>Национальности</i>	<i>Владеют русским языком</i>		
	<i>Думают, свободно говорят</i>	<i>Говорят с затруднениями или с большим трудом</i>	<i>Совсем не говорят</i>
Гагаузы	89,6	9,9	0,5
Русские	100,0	—	—
Болгары	92,2	7,8	—
<i>Владеют молдавским языком</i>			
Гагаузы	6,0	44,5	49,4
Русские	13,6	44,0	42,4
Болгары	16,7	46,7	36,7
<i>Владеют гагаузским языком</i>			
Гагаузы	93,7	5,8	0,4
Русские	28,0	32,0	40,0
Болгары	20,0	32,2	47,8
<i>Владеют болгарским языком</i>			
Гагаузы	5,1	13,1	82,0
Русские	7,2	20,0	72,8
Болгары	83,3	10,0	6,7

Многообразие двуязычия и многоязычия в Приднестровье, Гагаузии и в ряде других этнически смешанных ареалах постсоветского пространства, не ограничива-

ется различиями в языковой компетенции, соотношением языков в речевом поведении и в отношении к правовым статусам языков в контакте. Существенную роль в сохранении или в языковом сдвиге играют вариативности в кросспоколенном, межпоколенном и внутривнутрипоколенном общении. Чаще всего язык своей национальности употребляется, как показали исследования в ряде регионов, в т.ч. в Гагаузии и Приднестровье, в кросс- и в межпоколенных коммуникациях. Более чем каждые четверо из пятых гагаузов и русских, проживающих в Гагаузии, каждые двое из трёх болгар и каждый второй молдаван общались со своими родителями на языке своей национальности.

Частота контактов на «внутринациональном» языке последовательно сокращалась в практике языковой жизни гагаузов по нисходящей линии от родителей к супругам и далее к общениям с детьми и на производстве. Высокий удельный вес использования гагаузского языка «с друзьями» (без малого каждые двое из трёх общений) объясняется высоким уровнем дружеского доверия. В этом, пожалуй, проявляется относительно универсальная тенденция доверия друзьям, занимающего по рангу второе место после доверия членам своей семьи. Высокое доверие к друзьям проявляется и в языковой практике болгарского и молдавского населения в Гагаузии (см. табл. 4).

Сокращение использования языка своей национальности среди гагаузов, болгар и молдаван Гагаузии с особой силой проявляется в кросспоколенных коммуникациях: в первом случае разговоры с детьми на национальном языке снижаются до одной трети по сравнению с их дедушками и бабушками, т.е. в два раза, во втором – в 2,4 раза, в третьем – в 6,2 раза.

Русифицированная среда экономической и производственной деятельности Гагаузии сокращает использование языка своей национальности по сравнению с общениями с родителями в 2,5 раза у гагаузов, в 10 раз среди болгар и особенно сильно среди представителей «других» национальностей, в составе которых встречаются и молдаване (см. табл. 4).

Таблица 4

**Общение на языке своей национальности с различными коммуникантами
(в % по итогам этносоциологического опроса в Гагаузии в 2006 г.)**

<i>Национальности</i>	<i>Разговаривают на языке своей национальности с:</i>				
	<i>родителями</i>	<i>супругом</i>	<i>детьми</i>	<i>коллегами по работе</i>	<i>друзьями</i>
Гагаузы	84,5	52,2	39,3	33,2	60,7
Русские	85,6	66,4	70,4	92,8	92,0
Болгары	67,8	28,9	27,8	6,7	35,6
Другие	51,2	9,5	8,3	1,2	20,2

Тенденция дальнейшего расширения функциональной нагрузки русского языка в этническом треугольнике ПМР, естественно, вызывает у молдавского и украинского населения интерес к сохранению языка своей национальности. В извест-

ной мере этот этноязыковой мотив отражается в желательной конфигурации языкового репертуара своего речевого поведения. Согласно данным этносоциологического опроса 2015 г., каждые трое из четверых русских ПМР хотели бы общаться с окружающими исключительно на русском языке и лишь немногие (17,7%) – на нескольких языках. Почти половина украинцев и треть молдаван также высказали желание в пользу русскоязычного общения. Вместе с тем для более трети украинцев и каждым двоим из пятерых молдаван предпочтительным является общение на нескольких языках. Лишь 7,1% украинцев и 10,6% молдаван изъявили желание общаться с окружающими только на языке своей национальности.

В течение одного года в языковых предпочтениях приднестровцев не произошло сколько-нибудь существенных изменений. Незначительно увеличилась доля русских, предпочитающих разговаривать с окружающими на русском языке, и сохранилась доля украинцев и молдаван. Соответственно сократилась доля русских и молдаван, желающих общаться одновременно на нескольких языках, и возросла доля украинцев, настроенных на одновременное использование нескольких языков (см. табл. 5).

Таблица 5

Динамика языковых предпочтений в речевом репертуаре приднестровцев (в % по итогам этносоциологических опросов 2014–2015 гг.)

Национальности	Предпочитают общение с окружающими на языках							
	Только на:						На нескольких языках	
	русском		украинском		молдавском			
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Русские	70,3	73,4	1,3	2,0	1,5	1,7	21,0	17,7
Украинцы	51,8	48,1	7,2	7,1	2,0	0,9	32,2	36,8
Молдаване	36,3	34,7	1,0	2,4	10,9	10,6	43,9	42,4

Уникальный ракурс языковой жизни приднестровцев представляет собой бесценный опыт формирования изолированного ареала на основе его внутренней консолидации, преодоления рисков принудительной ассимиляции, мужественного сохранения самобытности и убеждения в праве на самоопределение.

Вместе с тем он представляет интерес для судьбы приднестровцев и для задач социолингвистики и этносоциологии во второй половине XX в., которые состояли в осмыслении процессов распространения и бытования таких форм двуязычия. Исследования национально-русской формы двуязычия диктовалось реально складывающейся языковой ситуацией и поддерживалось социальным заказом общества. В широкомасштабном функционировании двуязычия с русским вторым языком виделся гарант этнополитической стабильности и этнокультурной устойчивости многоэтнического советского общества и успех «дружбы и братства народов»¹⁵.

Мало кто даже из признанных авторитетов-знатоков развития языковых ситуаций предполагал, что слабое усвоение многомиллионным русскоязычным насе-

лением языка титульных национальностей бывших союзных республик станет катализатором «языковых революций» 1989–1990 гг., которые в одной связке с другими факторами послужили объективным и субъективным бикфордовым шнуром развала советской державы. Национально-русское двуязычие, как скрепа, удерживающая страну от развала, сохранилась и в современной России, но потеряла свою цементирующую силу в странах ближнего зарубежья, в которых, по данным переписи 1989 г., проживало более 27 млн. русских, лишь в незначительных масштабах овладевших к концу века языками титульного населения бывших союзных республик.

В последнем десятилетии прошлого века, преодолев временный шок, исследователи вновь обратились к проблемам языковой ситуации и языковой жизни постсоветских народов как неперенных компонентов современных этнополитических процессов.

Эксплуатация политизированного языкового фактора лидерами этнократических элит Молдавии и Украины в программах молдавского и украинского нациестроительства выдвинуло новые задачи по исследованию и осмыслению доверия одноязычных и двуязычных групп населения и языковой политики, проводимой в интересах построения этнократических режимов. Вместе с тем при обновлении методической части исследовательских программ и методико-инструментального аппарата с целью изучения мотивов, оценок и потребностей в повседневной языковой жизни не снималась задача сохранить накопленный опыт этносоциологического обследования в изучении факторов, направлений и социокультурных итогов распространения и функционирования двуязычия в личностном, групповом и региональном аспектах.

Многонациональное население бывшей Молдавской ССР вступило в новое тысячелетие с основательным сохранением своего национально-языкового достояния. Почти всё русское население Республики Молдова, едва ли не поголовно, в ходе переписи 2004 г. указало родным русский язык. Типологически сходная модель сохранения параметров языковой жизни была выявлена среди гагаузов, которые не намного отставали от русских в деле бережного отношения к языку своей национальности. Каждые четверо из пятерых представителей болгарского населения Республики Молдова, также как русские и гагаузы, указали родным язык своей национальности, т.е. болгарский.

Наибольшие потери украинского языка как родного выявились среди украинского населения. Разница между русскими и украинцами составляла значительную величину – 33,1%. Украинский «языковой зигзаг» в Республике Молдова, по-видимому, можно объяснить исторически сложившейся традицией перехода городского украинского населения на русский язык. Это подтверждается в значительной мере тем, что среди городских украинцев сохранность украинского языка имела место на 42,3% меньше, чем в сельской местности. Менее всего разница в масштабах родно-

го языка как национально-языкового достояния проявлялась среди гагаузов, составляла всего 11,2%.

Таблица 6

**Родной язык как национально-языковое достояние
(в % по итогам переписи населения 2004 г.)¹⁶**

	Национальность	Считают родным язык своей национальности				
		Всего	В том числе:			
			город	село	мужчины	женщины
1.	Молдаване	78,4	62,0	86,2	78,8	78,0
2.	Украинцы	64,1	43,6	85,9	63,6	64,5
3.	Русские	97,2	97,9	93,7	97,0	97,4
4.	Гагаузы	92,3	85,2	96,4	92,5	92,1
5.	Болгары	81,0	69,2	90,5	81,5	80,4

Среди представителей всех национальностей, за исключением русских, сельское население в большей мере, чем городское, сохраняло в качестве родного язык своей национальности. Особой разницы между мужской и женской частью населения не наблюдалось: городские мужчины из числа молдаван, гагаузов и болгар незначительно превосходили своих женщин, украинцы и русские, напротив, несколько уступали (см. табл. 6).

Родной язык, как традиционно принято считать в социолингвистике, этносоциологии и психолингвистике, выступает скорее показателем состояния этнического самосознания, чем монопольным отражением речевого поведения и реальной языковой ситуации, характеризуемой, напомним, такими социолингвистическими реквизитами, как, например, кто, где, когда, на каком языке разговаривает, слушает, читает, пишет, думает¹⁷.

Однако опыт языковой жизни приднестровцев не подтверждает указанную закономерность. В самом деле, исторически сложившаяся беспрецедентная языковая лояльность в Приднестровском регионе вместе с устойчиво культивируемой региональной идентичностью, цементирующей этнические идентичности представителей молдавской, украинской, болгарской и других национальностей, создаёт уникальные условия для добровольного осознания приднестровцами в качестве родного одного или двух языков. Наиболее устойчиво язык своей национальности сохраняет русское население (90,5%). Вместе с тем, по данным этносоциологического опроса 2014 г., 5,6% русских указали родным украинский язык, а ещё 7,7% – молдавский.

Не исключено, что определённая группа украинского населения, поголовно владеющая русским языком и осознающая себя одновременно и украинцами и русскими, назвала родным русский язык (71,2%), в то время как другая часть указала родным украинский (33,3%). Известной межэтнической маргинальности не лишена и часть молдавского населения Приднестровья. Немногим более половины (54,0%)

молдаван указало родным язык своей национальности, в то время как для другой половины (52,0%) – более «родным» показался русский язык, а ещё для 4,0% – украинский. Напрашивается вывод о том, что социолингвистическое многообразие речевого репертуара в языковой ситуации ПМР находит отражение в психолингвистическом многообразии родных языков.

В постсоветский период проявилась новая тенденция реального или декоративного приобщения представителей немолдавской национальности к молдавскому языку. Согласно данным переписи населения, доля украинцев, назвавших молдавский язык родным, возросла в 2004 г. по сравнению с 1989 г. с 1,6 до 2,9%, среди русских – с 0,6 до 1,6%, у болгар – с 2,4 до 3,2%. В самом начале первого десятилетия нового тысячелетия перепись 2004 г. зафиксировала наличие групп немолдавского населения среди украинцев, русских и болгар, причём в сельской местности их значительно больше, чем в городах. Городские гагаузы, напротив, относительно чаще в городах, чем в сёлах, назвали молдавский родным языком – соответственно 491:783 чел. (см. табл. 7).

Таблица 7

**Дополнительное национально-языковое достояние
(в % по итогам переписи населения 2004 г.)**

	<i>Национальности</i>	<i>Считают молдавский язык родным языком</i>				
		<i>Всего</i>	<i>В том числе</i>			
			<i>город</i>	<i>село</i>	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>
1.	Молдаване	78,4	62,0	86,2	78,8	78,0
2.	Украинцы	2,9	2,8	3,0	2,9	2,9
3.	Русские	1,6	1,2	3,9	1,8	1,5
4.	Гагаузы	0,9	0,9	0,8	0,9	0,8
5.	Болгары	3,2	3,1	3,2	3,2	3,2
<i>Считают русский родным языком</i>						
1.	Молдаване	2,5	6,8	0,4	2,4	2,5
2.	Украинцы	31,8	52,0	10,2	32,3	31,4
3.	Русские	97,2	97,9	93,7	97,0	97,4
4.	Гагаузы	5,8	12,6	2,0	5,7	6,0
5.	Болгары	13,0	25,1	4,8	13,4	14,4

Между мужчинами и женщинами принципиальных различий перепись не зафиксировала: мужчины-молдаване, русские и гагаузы не намного опережали женщин своей национальности, у украинцев и болгар доли лиц с родным молдавским языком были одинаковыми.

Инерция моделей прошлой языковой жизни, действующая и в первые два десятилетия постсоветского периода, обеспечивала сохранение русского языка представителями нерусского населения. Почти треть украинцев, более, чем каждый десятый болгарин, и более, чем каждый двадцатый гагауз, в 2004 г. назвали родным рус-

ский язык. Русскоязычие городской среды являлось едва ли ни универсальной тенденцией её языковой жизни. Среди всех национальностей Республики Молдова в городах, в т.ч. среди молдаван, удельный вес лиц, назвавших русский язык родным, значительно превосходил долю (моноэтничных) сельчан: среди молдаван в 17,0 раз, гагаузов – в 6,3, болгар и украинцев – в 5,2 и 5,1 раза (см. табл. 8).

Сельские молдаванки, гагаузки и болгарки несколько чаще, чем горожанки, называли русский язык своим родным.

Три советские переписи населения, состоявшиеся в 1970–1979–1989 гг., позволяют с ретроспективных позиций контурно проследить динамику состояния и развития языковой ситуации в Молдавской ССР накануне обретения ею государственной независимости. В целом она характеризуется сокращением численности лиц немолдавской национальности, владеющих молдавским языком или считающих его своим родным, и увеличение части русскоязычного населения среди лиц нерусской национальности. За два последние десятилетия, накануне развала Советского Союза, удельный вес украинского населения, свободно владеющего молдавским языком, в т.ч. считающего его своим родным, сократился с 1970 г. по 1989 г. с 17,0% до 14,4%, доля аналогичных групп русского населения уменьшилась с 13,9% до 11,8%, гагаузского с 8,2% до 5,5%, цыганского с 38,1% до 30,6% (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика распространённости молдавского языка среди представителей немолдавского населения в Молдавской ССР в 1970–1989 гг. (в % по итогам советских переписей населения)¹⁸

Националь- ности	1970 г.			1979 г.			1989 г.		
	Свобод- но вла- дею	Считаю родным	Всего	Свобод- но вла- дею	Считаю родным	Всего	Свобод- но вла- дею	Считаю родным	Всего
Украинцы	15,9	1,1	17,0	12,9	1,4	14,3	12,8	1,6	14,4
Русские	13,3	0,6	13,9	10,6	0,5	11,1	11,2	0,6	11,8
Гагаузы	8,2	0,9	9,1	6,3	1,3	7,6	4,4	1,1	5,5
Болгары	7,6	1,7	9,3	7,3	2,2	9,5	6,9	2,4	9,3
Цыгане	38,1	17,8	55,9	30,7	17,8	48,5	30,6	13,5	44,1

Отрицательная динамика распространения молдавского языка среди немолдавского населения Молдавской ССР вытекала из нарастающей необходимости в русском языке, знание и использование которого открывало широкие перспективы в политической карьере и социально-профессиональной мобильности. Востребованность русского языка расширялась в связи с успехами научно-технической революции и мощной идеологической пропаганды в пользу русского языка как «языка единства и единства языков». Уже приходилось, в частности, отмечать, что благодаря русскому языку форсировано повышался образовательный уровень гагаузского населения, что привело к созданию национальной гагаузской элиты, осознанно взявшей курс на построение собственной государственности¹⁹.

«Самый читающий народ в мире», в состав которого входили и гагаузы, приднестровцы, крымчане и многие другие представители остальных национальностей Молдавской ССР, с помощью русского языка становились обладателями достижений литератур многих народов Советского Союза. В известном смысле благодаря русскому языку гагаузы стали не только «детьми русской литературы», но и создали профессиональную художественную литературу, которая за короткий по историческим меркам прошла путь от фольклорных сборников до широкомасштабного романа.

За два десятилетия масштабы русскоязычия в рамках Молдавской ССР расширились среди украинского населения с 58,9% до 79,7%, среди гагаузов – с 65,2% до 80,2%, среди болгар – с 79,4% до 86,4%.

В ответ на неожиданные залпы «языковой революции» в Республике Молдова, когда в 1989 г. «грязнули» три закона, давшие сигнал к притеснению русскоязычия, первой взорвалась тогда ещё не существовавшая и мало кому известная Гагаузия с её титульным тюркоязычным православным населением. Немедленно возник вопрос, в какой степени языковая ситуация готова к восприятию новой языковой политики Кишинёва, предусматривающей перевод более полутора тысяч жителей трёх южных районов страны с русскоязычия на молдавский язык, объявленный единственным государственным языком.

Стратегическая ошибка инициаторов «языковой революции» по переводу в одночасье гагаузского и приднестровского народов вместе с дедушками и бабушками, отцами и детьми с русского на молдавский язык состояла прежде всего в том, что они не учли ни реальную языковую ситуацию в регионах республики, ни общественное мнение о возможности и желательности подобного языкового кульбита.

С момента принятия в Молдавии трёх законов о языке (1989 г.), несмотря на усиленные попытки сменить векторы языковой ситуации, люди молдавской и остальных национальностей продолжали жить исторически сложившейся моделью языковых коммуникаций. Более того, через 17 лет каждый пятый гагауз и болгарин и третий русский, проживающие в Гагаузии считали, что понижение роли русского языка в одном ряду с новыми реалиями политической ситуации и рыночными отношениями затрудняли приспособление (адаптацию) граждан к новым условиям жизни (см. табл. 4).

Тревога, связанная со снижением роли русского языка, дополнялась и подпитывалась отсутствием социальных гарантий, угрозой безработицы, вынужденным гастарбайтерством и его крайне негативными последствиями, ведущими к размыванию этнической идентичности гагаузов и болгар, а также региональной идентичности приднестровцев. Половина гагаузов, русских и болгар указали утрату социальных гарантий и безработицу как одну из причин недоверия и к центральной, и к местной власти (об этом подробнее в другом месте) (см. табл. 9).

Перед постоянно проявляющей себя ностальгией по русскому языку к 2006 г. в Гагаузии несколько утихли страхи перед возможной эскалацией межэтнической напряжённости. Во всяком случае доля респондентов, назвавших его фактором, затрудняющим вхождение в новые условия жизни, составил 6,1%, что было в разы меньше с понижением роли русского языка и другими факторами (см. табл. 9).

Таблица 9

**Факторы, затрудняющие адаптацию граждан к новым условиям жизни
(в % по итогам этносоциологического опроса в Гагаузии в 2006 г.)**

	<i>К чему особенно трудно адаптироваться</i>	<i>Гагаузы</i>	<i>Русские</i>	<i>Болгары</i>
1.	К отсутствию социальных гарантий, угрозам безопасности	49,9	53,6	50,0
2.	К негативным последствиям гастарбайтерства	37,9	32,8	34,4
3.	К рыночным отношениям	29,5	24,0	27,8
4.	К новой политической ситуации (распад СССР)	24,8	24,0	32,2
5.	К понижению роли русского языка	22,1	32,8	20,0
6.	К возможному росту межэтнической напряжённости	6,1	6,4	5,6
7.	Считали, что особых трудностей нет	2,3	4,0	2,2
	Затруднились ответить	5,4	5,6	5,6

Глава 2. Доверие и двуязычие как социальный капитал

*«Вкладчики должны уверенно себя чувствовать,
вкладывая свои деньги в безличные банки,
банки должны думать о том,
что незнакомые им заёмщики не исчезнут;
компании должны быть способными
выпускать ценные бумаги,
а инвесторы должны верить в их порядочность;
предприниматели должны доверять подрядчикам
в надёжно выполненной строительной работе,
а также они должны предполагать,
что их проект и полученные впоследствии плоды
не будут похищены после завершения проектных работ»
(Hough Jerry F., *The Logic of Economic Reform in Russia*.
Washington, 2001, p.15)*

Люди, которым доверяют

Постконфликтный синдром и самоощущение изоляции у значительного большинства граждан Приднестровья, экономическая блокада, затянувшийся переговорный процесс, в который втянуты внешние силы, создают условия для сохранения, а порой и реанимации прежних налаженных форм доверия, а также для появления новых форм, вызванных более сложными моделями социальной регуляции. Особенности социально-экономического развития, нарастающая тяжесть экономической блокады со стороны Киева и Кишинёва в сочетании с внутренними разборками, авторитарным режимом Приднестровья, а также зависимостью от российских дотаций, выступают фактором мягкого «принуждения» к внутрисоциальной консолидации и межэтнической интеграции.

Вместо лояльности и благодарности кишинёвским властям, молдаване, русские и украинцы Приднестровья создают оригинальный социальный порядок, в котором немаловажную роль играет географический фактор, моделированный в чувстве исторически сложившейся региональной идентичности. В каркасе социального порядка большое значение приобретает упрощённая система социальных правил и норм, основанных на доверии к согражданам, независимо от их этнической принадлежности. Добровольная самоизоляция приднестровского социума, а, частично и Гагаузии, способствуют сохранению доверия в традиционных формах и типах.

Наиболее рельефно социальное доверие выражается в том, что, согласно представительному этносоциологическому опросу, проведённому в 2014 г. ИЭА РАН, больше всего доверяют члену своей семьи. Каждый четвёртый молдаванин из пятерых, и без малого каждые трое из четверых украинцев и русских больше всего доверяют ближайшим родственникам и членам своей семьи. Контингенты приднестровцев с этой традиционной установкой на доверительное взаимодействие в рамках семьи в разы превосходят тех сограждан, которые доверяют друзьям и знакомым за пределами семейного круга.

Вынужденная в условиях международной напряжённости изоляция ПМР, особенно поддерживаемая элитами в Кишинёве и Киеве, ограничивает круг внешних доверительных взаимодействий, взаимообогащений, ограничивает каналы вертикальной социальной мобильности, сокращает возможности материальной, образовательной и профессиональной мобилизации, без которых приднестровский социум обрекается на застойный тренд развития.

Парадокс региональной идентичности приднестровцев и гагаузов в Гагаузии состоит в том, что характерные для экономического и социально-бытового развития застойные явления порождают высокий уровень внутрирегиональной солидарности, политическую активность, выразившуюся, в частности, в 7 референдумах в Приднестровье, в знаменательном референдуме 02.02.2014 в Гагаузии. Вместе с тем социум Приднестровья характеризуется чрезвычайно низким уровнем доверия к деятелям, обслуживающим гуманитарные сферы. Уровень доверия к священнослужителям, известным писателям, поэтам, учёным, артистам, художникам, учителям, доморощенным общественным деятелям не превышает по отдельным перечисленным социальным прослойкам 4% (см. табл. 10).

Высокий уровень доверия является важным показателем внутрисемейных взаимоотношений. В ходе этносоциологического обследования в Гагаузии в 2006 г. т.н. моделей человеческого поведения и качества социального капитала было вскрыто, что доверие и взаимопомощь в представлениях гагаузов, болгар и русских занимают 2-е место в иерархии базовых ценностей, с помощью которых люди оценивали «качество» своей семьи. Первое место в этой пирамиде ценностей занимала модель «совместного решения семейных проблем». 3-е место заняли семейные ценности, исповедуя которые, родители разделяют интересы детей.

Таблица 10

**Человек, которому больше всего доверяют
(в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)**

Человек, которому доверяют	Национальности		
	Молдаване	Украинцы	Русские
Член семьи	82,2	71,2	72,5
Друг, знакомый	10,2	18,8	16,6
Священнослужитель	2,2	0,9	2,6
Известный человек (писатель, учёный, журналист, артист, художник)	2,2	0,3	0,4
Учитель, преподаватель	1,9	3,8	2,2
Политик, общественный деятель	0,6	0,6	0,9

Об остатках патриархальности в семейных отношениях гагаузов и болгар свидетельствует такая модель, когда «решающее слово принадлежит главе семьи». С большим отрывом от перечисленных ценностей, в т.ч. от доверия, как одного из важнейших принципов, характеризующих социальный капитал семьи среди жителей Гагаузии, оказались на нисходящей шкале ценностей индивидуализм («каждый человек живёт сам по себе»), и те семьи, в которых «родители, в общем-то не очень заботятся о воспитании детей» (см. табл. 11).

Таблица 11

**Мнения о доверии в семейных отношениях
(в % по итогам этносоциологического исследования 2006 г. в Гагаузии)**

	Что характерно для семьи опрошенных	Гагаузы	Русские	Болгары
1.	Важные семейные проблемы решаются сообща	61,6	64,8	67,8
2.	Доверие и взаимопомощь	52,9	56,8	64,4
3.	Родители разделяют интересы детей	39,9	46,4	57,8
4.	Решающее слово за главой семьи	33,2	24,0	42,2
5.	Жёсткий контроль родителей за детьми	22,4	13,6	18,9
6.	Каждый живёт сам по себе	3,7	3,2	6,7
7.	Родители, в общем-то, не очень заботятся о детях	1,0	1,6	4,4

Критерии межличностного доверия

Если исходить из понимания доверия как важной составной части или даже эквивалента социального капитала, то из этого следует, что доверие как ресурс, можно воспитывать, культивировать, позитивно оценивать и закреплять в нормах и ценностях повседневной жизни. Для этого, как минимум, надо знать какими критериями оценивается человек, которому можно доверять и в какой мере он заслуживает доверия сограждан.

В Приднестровье, до сих пор находящемся в фрустрированном состоянии после перенесённых трагедий, а также в Гагаузии, где люди и правящая элита перма-

нентно чувствуют себя в подвешенном состоянии, требуются большие усилия для поддержки доверия как одного из элементов этнической и региональной самоидентификации. На рубеже первого и второго десятилетия нового тысячелетия приднестровцы особо важным критерием доверия считали следование человеком принципу справедливости и обладанию им вследствие этого высокой и надёжной репутацией. Эти два фактора занимают довольно устойчивое первое и второе места в структуре качеств, необходимых и достаточных для доверия их обладателю. При этом молдавская часть приднестровцев особенно высоко ценила справедливость, а украинская и русская – репутацию человека.

С незначительным отрывом от первых двух уверенно занимало третье место (примерно в равных значениях для молдаван, украинцев и русских) качество, характеризующее человека как хорошего семьянина. Чрезвычайно малыми межэтническими различиями выражалась в менталитете приднестровцев оценка образовательного уровня как фактора, дающего основание для доверия.

Сходными среди молдаван, украинцев и русских были представления о роли патриотического настроения личности к своему народу. Несущественная разница между молдаванами и русскими в 4,4% сигнализирует о примерно одинаковой оценке ими этнического самоотождествления.

Высокой оценки и признание надёжности для выражения доверия выступают такие качества, как оптимизм, общественная активность. В нижней части шкалы качеств доверительности находятся здоровье, религиозность, участие в художественном сотворчестве и материальная обеспеченность (см. табл. 12).

Таблица 12

**Социально-психологические основания для межличностного доверия
(в % по итогам этносоциологических исследований в ПМР в 2014 г.)**

	<i>Особенно важные</i>	<i>Национальности</i>		
		<i>Молдаване</i>	<i>Украинцы</i>	<i>Русские</i>
1.	Справедливый	51,3	42,3	38,7
2.	Репутация	41,7	45,5	44,7
3.	Хороший семьянин	37,6	34,8	31,2
4.	Образование	23,9	27,6	27,1
5.	Патриот своего народа	22,6	19,5	18,2
6.	Оптимист, весёлый	18,5	20,7	21,5
7.	Общественная активность	14,6	18,9	17,4
8.	Пользующийся авторитетом	14,0	17,3	17,8
9.	Здоровый	9,8	13,1	12,9
10.	Верующий	9,6	5,9	7,5
11.	Участвующий в художественной деятельности	7,3	5,7	7,7
12.	Материально обеспеченный	2,5	0,9	3,8

Фиксируя значение и показатели доверия среди представителей различной национальности в Приднестровье, Крыму и в Гагаузии, мы, отнюдь, не ставили перед собой задачу дать обстоятельную характеристику и детальное описание каждого показателя «социального доверия» или определить «вес» (или «цену») каждого критерия, являющегося по мнению респондентов особо важным для выражения доверия. Проявление «этнической специфики» в выборе критериев для оказания доверия имело в программе исследования второстепенное значение. Главная задача исходила из необходимости выявления «меры» межэтнических различий, что могло бы служить обоснованию наличия или отсутствия степени межэтнической консолидированности между молдаванами, украинцами и русскими в Приднестровье, между гагаузами и болгарами в Гагаузии.

Из приведённых в табл. 13 распределений следует, что в списке из 12 «особо важных» критериев для выражения доверия, по крайней мере в 10 из них межэтнические различия составляют минимальные значения, не превышая 4,4%. Исключения составляют, как уже указывалось выше, лишь расхождения по оценке «справедливости» и «хорошего семьянина» (см. табл. 13).

В каждом регионе, будь то Гагаузия, Приднестровье или Крым, существует интегральное целое, которое можно выявить с помощью «личностной модели», проявляющей себя в различных сферах повседневного общения. В начале второго постсоветского десятилетия, характеризующегося переходом от плановой к рыночной экономике и от советского коллективизма к постсоветскому индивидуализму, резко возросла «цена» доверия не только в сфере семейных отношений, но и на производстве, в т.ч. при попытке людей получить высокооплачиваемую работу. Особое впечатление, в частности, произвели итоги этносоциологического исследования в Гагаузии в 2006 г., когда обнаружилось, что в предложенной шкале из 12 факторов первое место заняло наличие такого доверия, при помощи которого имеются связи и знакомства с нужными людьми.

Двумя другими необходимыми факторами для получения высокооплачиваемой работы по представлениям гагаузов, русских и болгар были «умение усердно трудиться» и «наличие высшего образования». На четвёртой позиции по шкале из 12 номинаций оказался языковой фактор, т.е. «хорошее знание молдавского языка». Необходимость знания русского языка как фактора профессиональной карьеры в недавние советские времена опустилось по этой же шкале на 9-е место, подтверждая наличие наступившего в Республике Молдова этапа дискриминации по языковому принципу (см. табл. 13).

Доверие представителям разных национальностей

Итоги социологических опросов нередко в шутку называют «мучительным пережёвыванием общеизвестных истин». Не стали «открытием» ответы жителей Гагаузии на вопрос о доверии представителям отдельных национальностей. В ходе этносоциологического опроса в Гагаузии в 2006 г. выяснилось, что гагаузы больше

Таблица 13

**Факторы получения высокооплачиваемой работы
(в % по итогам этносоциологического опроса 2006 г.)**

	<i>Особенно важные</i>	<i>Национальности</i>		
		<i>Гагаузы</i>	<i>Русские</i>	<i>Болгары</i>
1.	Наличие связей, знакомство с нужными людьми (доверие)	46,6	55,2	54,4
2.	Умение усердно трудиться	40,4	28,0	42,2
3.	Наличие высшего образования	37,5	47,2	44,4
4.	Хорошее знание молдавского языка	10,1	16,8	12,2
5.	Одарённость от природы (талант)	9,4	8,8	10,0
6.	Активное участие в рыночной экономике	5,8	7,2	5,6
7.	Принадлежность к молдавской национальности	4,8	10,4	5,6
8.	Активное участие в политической жизни	3,7	4,0	2,2
9.	Хорошее знание русского языка	3,3	1,6	3,3
10.	Принадлежность к гагаузской национальности	1,6	—	2,2
11.	Принадлежность к русской национальности	1,6	0,8	—
12.	Хорошее знание гагаузского языка	0,5	—	—

доверяют гагаузам, чем молдаванам и китайцам, а русские и болгары – больше русским, чем гагаузам, молдаванам и китайцам. Можно было бы несколько утрируя ситуацию сказать: «своя рубашка ближе к телу». Однако в сочетании внутриэтнических и межэтнических уровней доверия не всё так просто. Как выясняется, в начале нового тысячелетия гагаузы доверяли русским так же, как гагаузам, или даже несколько больше (см. табл. 14).

Таблица 14

**Доверие представителям отдельных
национальностей
(в % по итогам опроса в Гагаузии 2006 г.)**

<i>Националь- ности</i>	<i>Доверяют:</i>			
	<i>Гага- узам</i>	<i>Рус- ским</i>	<i>Молда- ванам</i>	<i>Китай- цам</i>
Гагаузы	63,9	67,4	41,6	12,5
Русские	49,6	76,8	38,4	13,2
Болгары	47,8	77,8	44,4	7,8
В среднем	60,2	69,2	42,3	12,4

Для полиэтничного населения Приднестровья, находящегося в длительной осаде в связи с непризнанием их государственности мировым сообществом, чрезвычайно важное значение имеют критерии доверия своей национальности и церкви. В шкале ценностей (критериев доверия) из 8 номинаций наиболее высокую оценку молдавского и русского населения получил фактор «говорим на одном языке». Такой позиции придерживаются каждые двое молдаван и рус-

ских. При этом «говорим на одном языке» чаще всего означает одноязычие русского и двуязычие молдавского населения. Для украинского населения наиболее очевидным фактором доверия выступает наличие «хорошего друга», а «говорим на одном языке» – занимает второе место.

В признании особой важности этнической идентичности в зависимости от «общности исторической судьбы», сходного экономического статуса, единой религиозной принадлежности, аполитичности и приверженности консерватизму играет значительно меньшую роль по сравнению с общением на одном языке и наличием надёжного друга (см. табл. 15).

Таблица 15

**Доверие человеку своей национальности
(в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)**

		Национальности		
		Молдаване	Украинцы	Русские
1.	Говорим на одном языке	50,7	43,9	49,1
2.	Хороший друг	43,0	49,2	46,9
3.	Верим в общность исторической судьбы	28,0	29,5	29,3
4.	Одинаковый экономический статус	21,7	24,5	26,2
5.	Исповедуем одну религию	21,0	20,0	20,9
6.	Демократ (либеральные убеждения)	8,9	10,6	11,0
7.	Аполитичный	4,8	2,8	3,5
8.	Консерватор	4,2	3,8	4,9

Доверие религии и церкви

Эксперты и исследователи, склонные преувеличивать роль религии в формировании этнической идентичности гагаузов, считают приверженность гагаузов православию более значимым катализатором, чем её роль в этнической идентификации болгар и других народов. Следуя этой логике можно было бы ожидать среди гагаузов более высокую степень доверия православию по сравнению, например, с единоверными болгарами и русскими. Оказалось, однако, что степень доверия православию, во-первых, в разы превышала доверие мусульманской религии, во-вторых, по степени выраженности почти ничем не отличалась от доверия, оказываемого ему остальным населением Гагаузии, в-третьих, указывала на приоритет региональной идентичности по сравнению с этнической, в-четвёртых, не оправдывала ожидание радикально настроенных экспертов, ждущих от постсоветских трансформационных процессов увеличения тяги гагаузов к религиозному плюрализму (см. табл. 16).

В формировании социального капитала на основе религиозной принадлежности критерии доверия такие как оказание церковью бескорыстной помощи, проповедь мира и человеколюбия, толерантности, доверительности и солидарности играют значительно меньшую роль, чем критерии, предъявляемые обладателям той или иной профессии.

Таблица 16

Доверяют религии (в % по итогам опроса в Гагаузии 2006 г.)

	Доверяют религии	
	Православной	Мусульманской
Гагаузы	65,9	9,4
Русские	63,2	9,6
Болгары	67,8	15,5
В среднем	65,3	9,7

Особенно низко приднестровцы оценивают знание представителями религиозного культа догматов церкви (см. табл. 17).

Таблица 17

Доверие церкви (в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)

		Национальности		
		Молдаване	Украинцы	Русские
1.	Оказывать бескорыстную помощь нуждающимся	43,6	42,6	44,3
2.	Проповедовать мир, толерантность, доверительность, солидарность между народами	36,0	41,1	36,5
3.	Проповедовать мир, человеколюбие	35,0	31,7	35,9
4.	Обладать глубокими знаниями догматов церкви	15,9	19,7	18,9

Заниженное требование к качествам, вызывающим доверие к человеку своей национальности и церкви, представляет собой инерционное повторение установок советского времени, когда этническое многообразие нивелировалось мощным интернациональным воспитанием и эффективными посылами средств массовой информации. Низкий уровень адаптивности к вызовам модернизации в сочетании с «узкими» лифтами социальной мобилизации в современных условиях обуславливают реанимацию реальных или манифестируемых религиозных чувств, что, однако, не экстраполируется на обеспечение высокого доверия к этнической и религиозной идентичности. Каждая из них компенсируется необходимостью единения в рамках своего региона и культивирования региональной идентичности.

Доверие к партнёрам по работе и соседям

Коммуникационное пространство Приднестровья в 2014–2015 гг. характеризуется атмосферой относительной изолированности от соседних государств, что, вероятно, служит неким дополнительным фактором для создания экстремальных условий при неформальных взаимодействиях. Более половины молдаван, украинцев и русских, согласно опросу 2014 г., считают, что основой для доверия в производственных коллективах служит честность, добросовестность и порядочность. Межэтнические различия в ожидании этих «качеств» от партнёров по работе не превышают 3,7–4,3% (см. табл. 18).

Сходными являются и критерии доверительности в отношениях с соседями. Хотя в отличие от производственных контактов для общений с соседями особо важным является ожидание от них «готовности помочь». Что касается двух других критериев доверительности – «добросовестность» и «порядочность», то они универсальны как для производственных, так и для соседских отношений (см. табл. 19).

Вместе с тем в двух указанных сферах взаимодействий проявляются и некоторые различия. От партнёров по работе на втором месте в шкале ожидаемых кри-

териев выступают обязательность «выполнения контрактов» и «надёжность в изготовлении продукции». В то время как для выражения доверия соседям в ходе неформальных коммуникаций требуются «хорошие манеры» и харизма «хорошего семьянина» (ср. табл. 18 и 19).

В условиях рыночной экономики, а также при нарастающей ценности продукции т.н. handmade, менее всего на формирование доверия к человеку влияют «хорошие манеры», «совпадение этнической и религиозной принадлежности». В то же время в сфере неформализованного типа отношений несколько выше в целом, чем в производственных структурах, оцениваются одинаковый уровень образования, совпадение этнической и религиозной идентичности, а также сходные политические взгляды.

Изолированность приднестровского социума оказывает влияние на формирование такого доверия, которое контролируется общественным мнением и укладывается в рамки «Грамматики жизни», т.е. соответствует правилам, нормам и принципам традиционной культуры.

Таблица 18

Доверие партнёрам по работе (в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)

	<i>Доверяют за:</i>	<i>Национальность</i>		
		<i>Молдаване</i>	<i>Украинцы</i>	<i>Русские</i>
1.	Честность	62,1	58,1	57,8
2.	Добросовестность	60,8	57,0	59,8
3.	Порядочность	50,0	52,9	49,2
4.	Выполнение контрактов	33,8	35,7	32,5
5.	Надёжность в изготовлении продукции	26,8	26,0	30,9
6.	Готовность помочь	18,5	17,8	16,3
7.	Хорошие манеры	14,7	16,2	13,9
8.	Одной этнической принадлежности	3,2	1,9	4,3
9.	Одного вероисповедания	2,5	3,1	2,8

Таблица 19

Доверие соседям (в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)

	<i>Доверяют за:</i>	<i>Национальность</i>		
		<i>Молдаване</i>	<i>Украинцы</i>	<i>Русские</i>
1.	Готовность помочь	69,1	62,1	64,5
2.	Добросовестность	61,8	57,0	58,1
3.	Порядочность	49,4	59,6	59,5
4.	Хорошие манеры	28,1	28,8	24,2
5.	Хороший семьянин	16,5	19,8	15,5
6.	Одинаковый образовательный уровень	9,8	9,2	9,9
7.	Одного вероисповедания	7,3	5,0	6,0
8.	Одной этнической принадлежности	6,7	9,1	8,2
9.	Сходные политические взгляды	6,3	11,3	10,3

Сопоставление доверия в сферах формального (производство) и неформального (соседи) общения показывает, что вялотекущие трансформационные процессы в Приднестровье, хотя и не блокируют, но оказывают тормозящее воздействие на рационализацию системы своей жизнедеятельности. Однако ни одна из отмеченных особенностей в проявлении требований к основам доверия в формальных и неформальных взаимодействиях не заслоняет высокий уровень внутрирегиональной солидарности приднестровцев в оценке критериев доверия и доверительности.

Доверие органам власти

Ужесточение внешнего давления, связанное с санкциями Республики Молдова и Украины, в т.ч. блокирование транспортных связей с Россией, как важнейшим рынком сбыта приднестровских продуктов, снижает качество социального капитала и уровня доверия в коммуникационном пространстве Приднестровья. В то же время в самом Приднестровье, оказавшемся на перекрёстке геополитических интересов мировых держав, усиливаются внутренние противоречия, вызванные, с одной стороны, борьбой органов власти с местными олигархами, а с другой – вынужденными попытками некоторых политических лидеров и хозяйственных агентов искать новые рынки сбыта в европейских странах, что неизбежно ведёт к снижению имиджа и авторитета региональной власти перед общественным мнением приднестровцев, ориентированным на Россию и Таможенный Союз и ослабляет устойчивость региональной идентичности.

Немаловажным фактором, снижающим уровень доверия приднестровцев к России как гаранту их выживания и самосохранения, служат неудачи самой России в решении проблем амнистии капиталов. Трезвомыслящие приднестровцы, особенно в сфере бизнес-структур, понимают, что вряд ли обладатели финансовых средств пойдут на риски и согласятся переводить свои деньги туда, где коррупция стала системной. Более того, приднестровцы понимают, что неудачный опыт России в борьбе с коррупцией тесно связан с духовной сферой и временем, определяемым бизнесменами как «эра недоверия». Её показателями выступают сокращение доверия граждан к государственным структурам и общественным институтам, граждан друг к другу, а также взаимного доверия государственных и общественных структур.

Ослабление экономической помощи России рождает сомнение в справедливости пути, по которому следует Приднестровье. Хаотичные попытки решения вновь возникающих проблем в сфере экономики, обеспечения безопасности, а также в социальной сфере, затрудняет разработку стратегической идеи, обращённой не в советское прошлое, а в будущее, окутанное пеленой неизвестности.

Доверие врачам и учителям

В современном социально дифференцированном обществе не существуют универсальные критерии доверия и доверительности. Вряд ли необходима дополнительная аргументация в том, что чем сложнее и ответственнее профессиональная

деятельность человека, тем выше требования к критериям доверия. Когда речь идёт о доверии, например, врачам или учителям, это означает ни много ни мало, что мы доверяем им соответственно своё здоровье, свою жизнь или будущее своих детей. Поэтому не приходится удивляться, что, по мнению приднестровцев, наиболее важным качеством, за обладание которым врачи заслуживают доверие, является высокий уровень профессионализма и компетентность врача.

Именно так оценили критерий особого доверия врачам более чем каждые четверо из пятерых молдаван, русских и украинцев. На второе место по значимости приоритетов доверия приднестровцы поставили «сочувствие пациенту» и «владение современной аппаратурой» вместе с условиями для диагностики и квалифицированного лечения. Человек, однажды волею судьбы попавший в больничную палату, хорошо знает невероятную трудность профессии врача, от которого пациенты ожидают душевную заботу, излучение уверенности и оптимизма. Доверие к врачам в немалой мере складывается не только в связи с уровнем их «технологической оснащённости» и дипломированных знаний, но и от исходящей душевной энергии, доброжелательности, оптимизма и уверенности в своём профессионализме.

На третьем месте в перечне факторов особого доверия к врачу приднестровцы называли «титулы, дипломы, медали и профессиональные заслуги», а также «материальное обеспечение врача» (см. табл. 20).

Таблица 20

Доверие к врачам (в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)

		Национальность		
		Молдаване	Украинцы	Русские
1.	Высокая профессиональная компетентность	85,0	86,5	82,8
2.	Сочувствие пациенту	42,1	43,9	38,1
3.	Владеть современной аппаратурой и иметь условия диагностики и лечения	40,1	47,0	49,3
4.	Окружение больного заботой	30,8	26,9	22,2
5.	Излучать уверенность и оптимизм	26,7	28,5	32,6
6.	Титулы, дипломы, медали и профессиональные заслуги	21,0	19,7	16,7
7.	Быть материально обеспеченным	5,0	8,5	7,5

Удивительное единодушие проявили приднестровцы и в оценке качеств учителей для того, чтобы заслужить доверие. Более 70% молдаван, украинцев и русских таким качеством назвали «любовь к своей профессии, заботу об учениках, студентах или аспирантах». Вместе с тем, подобно ожиданиям от врача «высокого профессионального мастерства», этот же критерий применим к профессии учителя и преподавателя. В иерархической шкале ценностей, хотя он и занимает второе место после «душевной заботы» (т.е. природой данного призвания), он всё же значительно, почти в два раза превышает оценку значимости фактора «широкий литературно-культурный кругозор», умение «воспитывать ответственность», «семейные

ценности», а также «воспитание патриотизма», «уважение к законам» и «властным структурам» (см. табл. 21).

Смена вектора социально-экономического развития, в т.ч. смещение акцента от принципов коллективизма, интернационализма и соборности к индивидуализму и адаптивной конкурентоспособности представляются приднестровцам менее важными гуманитарными критериями учителя и, в первую очередь, – по сравнению с его призванием к профессии.

Таблица 21

**Доверие учителям, преподавателям, профессорам
(в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)**

		Национальность		
		Молдаване	Украинцы	Русские
1.	Любовь к своей профессии, забота об учениках, студентах, аспирантах	71,0	70,8	71,8
2.	Высокое профессиональное мастерство	60,2	65,5	70,1
3.	Широкий литературно-культурный кругозор	30,9	32,9	31,4
4.	Воспитание ответственности	30,5	24,1	25,1
5.	Поддержка семьи и семейных ценностей	23,2	21,3	21,3
6.	Воспитание патриотизма	21,7	25,4	22,2
7.	Уважение к законам	17,2	11,9	17,8
8.	Уважение к властным структурам	6,4	5,9	7,1

Большинству людей можно ли доверять?

При анализе функциональной роли феномена доверия–недоверия в системе этногосударственных и межэтнических отношений чаще всего высказывается мысль о недоверии чиновникам, руководителям государства, лидерам регионов, а также о нарастании недоверия между этническим большинством и меньшинством.

Таблица 22

**Большинству людей можно доверять (в %
по итогам опроса в Гагаузии 2006 г.)**

	Согласны, что можно доверять	Не согласны, что можно доверять
Гагаузы	26,5	65,9
Русские	27,2	68,0
Болгары	18,9	80,0
В среднем	26,8	66,1

Если в первом случае в сфере этногосударственных отношений недоверие оказано конкретному человеку, занимающему тот или иной административный пост, во втором случае – в сфере межэтнических отношений – тень ложится на то или иное этническое сообщество. На самом деле никто не может, например,

сказать, что растёт тотальное недоверие между молдаванами и гагаузами в Республике Молдова, также как между представителями всех трёх национальностей – молдаванами, русскими и украинцами в многоэтничном Приднестровье. Линии недоверия пролегают не между народами, а между политическими элитами Комрата и Кишинёва, Тирасполя и Кишинёва, Симферополя и Киева (в бытность Крыма в составе Украины).

Люди различных национальностей сначала в Бессарабии, а позже в советской республике Молдавии не были отягощены бременем памяти о сколько-нибудь глубоких и масштабных противоречиях, конфликтах и связанным с межнациональным напряжением чувством недоверия. Однако распад Советского Союза и суверенизация с этнократической доктринальной основой, разработанной Народным Фронтом Молдавии и по её подобию – гагаузским этнонациональным движением, внесла существенные изменения в доверительность людей.

После всех испытаний, выпавших на долю гагаузов, принявших участие в приднестровском конфликте, а также подвергнувшихся неслыханной пропагандистской атаке кишинёвскими СМИ в связи с требованием самоопределения по справедливости, уровень доверия сильно снизился. Согласно итогам этносоциологического опроса, проведённого в 2006 г. в Гагаузии, практически параллельно с приднестровским референдумом, оказалось, что лишь немногим более четверти гагаузов и русских и менее чем каждый пятый болгарин согласны с тем, что «большинству людей можно доверять» (см. табл. 23).

Таблица 23

**Валидность высказываний о доверии
(в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)**

Националь- ности	Большинству людей можно доверять				Мы должны доверять людям другого вероисповедания			
	Согласны		Не согласны		Согласны		Не согласны	
	Полно- стью	Скорее	Скорее	Полно- стью	Полно- стью	Скорее	Скорее	Полно- стью
Молдаване	15,9	20,1	25,2	31,5	26,1	34,7	13,1	5,4
Украинцы	19,4	13,3	31,3	21,9	27,9	31,3	10,3	7,8
Русские	19,2	23,2	26,5	17,8	27,5	31,4	14,4	8,0

Хронологическая синхронность приднестровского референдума в 2006 г. и представительного этносоциологического исследования в Гагаузии даёт возможность для сравнений факторов турбулентности в этнополитическом развитии каждого из регионов бывших в составе Молдавской ССР в советские времена. Особый интерес при этом представляют формы, состояние и сферы проявления доверия как в личном, так и в институциональном плане.

В значительной мере кризис доверия, зафиксированный в самом начале нового тысячелетия в Гагаузии, был обусловлен рыночной экономикой, непривычной для населения Молдавии, моделью такой конкуренции, когда «человек человеку волк» и тому подобными обстоятельствами, вызывающими девиантное поведение и нарастание недоверия. Люди с удивлением стали вглядываться друг в друга, когда выяснилось, что можно забыть про «слово купеческое», когда честному слову доверяли не меньше, чем бумаге со штампом, диплому с поддельной печатью, этикетке лекарства, полицейскому или юристу, качеству продукции и продуктов или тех-

нологиям их изготовления. Чтобы не столкнуться с обманом или жульничеством, люди осознали, что «приходится дуть на воду».

Общественная жизнь Гагаузии и ментальность людей, ориентированных преимущественно на русский язык, на «Русский мир» и ценности российской нации, в значительной мере совпадали с настроением россиян. В ходе изучения общественного мнения в России, проведённом ВЦИОМ выяснилось, что только 24% в 1995 г., 22% в 1998 г. и 26% в 2011 г. считали, что «большинству людей можно доверять»²⁰.

При таком, едва ли не буквальном совпадении умонастроений в Гагаузии и России, не стоит удивляться и вряд ли требуют дополнительного комментария итоги гагаузского референдума 02.02.2014, в ходе которого выяснилась всенародная ориентация населения Гагаузии на Таможенный Союз и на восточный вектор политики.

И хотя в ходе нашего исследования измерения проводились по методике, несколько отличающейся от популярной в социометрии шкале Розенберга, тем более удивительны совпадения уровня доверия в Гагаузии в 2006 г. и трижды в России при экспресс-диагностике, проведённой сотрудниками ВЦИОМ.

В Приднестровской Молдавской Республике относительно низкий уровень полного доверия людям, зафиксированный этносоциологическим опросом 2014 г., сопряжён, как будет показано ниже, с низким уровнем доверия чиновникам, властным структурам, в т.ч. депутатскому корпусу, с недоверием к политическим партиям Республики Молдова, а также со слабой заинтересованностью и низким уровнем личностного участия в гражданских движениях и неправительственных объединениях. Индексы доверия²¹, рассчитанные по обычной формуле, составили для молдаван и украинцев соответственно 0,63 и 0,61, для русских – 0,96. Позитивный по сути «зигзаг» русского доверия, отмеченного более высоким индексом по сравнению с молдаванами и украинцами, вытекает из укоренившейся надежды русской части населения Приднестровья на помощь «этнического материка».

С феноменом доверия, как показывают наблюдения и индивидуальные интервью, в немалой мере сопряжен и такой тип доброго отношения, как отсутствие негативного восприятия кого-либо.

В Гагаузии, как и во многих других регионах постсоветского пространства, модернизация в сфере хозяйственно-экономической жизни привела к усилению имущественного неравенства и росту социальных противоречий. Тем не менее без малого каждый второй из трёх жителей Гагаузии после полутора десятилетий обогащения одних и обеднения других, считали, что люди «не должны плохо относиться к тем, кто стал богатым». Примерно такими же долями были в это время представлены представители гагаузской, русской и болгарской национальности, считающие, что в их представлении нет таких национальностей, представители которых вызывают негативное отношение (см. табл. 24).

Таблица 24

**Отношение к богатым представителей различных национальностей
(в % по итогам этносоциологического опроса в Гагаузии в 2006 г.)**

Национальности	Мы не должны плохо относиться к тем, кто стал богатым			Нет национальностей, представители которых вызывают негативное отношение
	Полностью согласны	Скорее согласны	Всего	
Гагаузы	20,9	41,3	62,2	67,2
Русские	17,6	45,6	63,2	64,8
Болгары	22,2	34,4	56,6	64,4
Другие	14,3	47,6	61,9	70,2

Можно ли доверять властям и чиновникам?

Эпидемия коррупции, быстро охватившая многие сферы постсоветской жизни, не только образования, медицины, спорта, но и органы управления, вызвала прилив недоверия к органам законодательной и исполнительной власти. Лишь только без малого каждый четвёртый взрослый житель Гагаузии в 2006 г. доверял президенту РМ, башкану Гагаузии и депутатам Народного собрания Гагаузии. Ещё ниже был уровень доверия депутатам парламента страны. Им доверял менее чем один из пятерых избирателей (см. табл. 25).

Таблица 25

Доверие к властям и политическим деятелям (в % по итогам опроса 2006 г.)

Национальности	Личности		Органам власти	
	Президенту РМ	Башкану Гагаузии	Парламенту РМ	Народному собранию Гагаузии
Доверяют				
Гагаузы	23,4	24,2	18,0	23,4
Русские	17,6	18,4	14,4	20,0
Болгары	27,8	25,6	18,9	20,0
В среднем	23,9	23,9	18,6	22,8
Безусловно не доверяют				
Гагаузы	26,1	24,8	23,4	20,9
Русские	36,0	32,0	28,8	32,0
Болгары	25,6	40,0	20,0	12,2
В среднем	26,5	33,6	23,1	21,1

Отсутствие значительных различий в уровнях доверия к властям и политическим деятелям среди гагаузов, русских и болгар Гагаузии свидетельствует о межэтническом консолидационном потенциале, в основе которого лежит этнорегиональная идентичность. Русское население Гагаузии больше, чем болгарское, не доверяет президенту Республики Молдова, а болгары в свою очередь больше, чем гагаузы, не доверяют башкану Гагаузии.

Значительное недоверие президенту РМ со стороны русского населения Гагаузии по сравнению с недоверием гагаузов и болгар объясняется хроническим отказом высшей власти страны придать русскому языку статус второго государственного языка и введением федерализма вместо унитаризма.

Из действующих в начале первого десятилетия нового тысячелетия политических партий избиратели Гагаузии, особенно русские, больше всего, пожалуй, доверяли партии «Патрия» («Родина»). Они же вместе с гагаузами меньше всего доверяли коммунистической партии. Наиболее слабым авторитетом пользовалась партия «Демократическая Молдова». Ей доверяли в целом по Гагаузии немногим более одного человека из десяти.

Проблемы межличностного и институционального доверия или недоверия тесно связаны со многими сторонами повседневной и общественной жизни. На рубеже первых двух постсоветских десятилетий изучение доверия–недоверия в России приобрело широкий размах в связи с реализацией и интерпретацией антикоррупционной и национальной политики. Поэтому предпринятое сотрудниками ЦИМО ИЭА РАН исследование доверия–недоверия на примере Крыма, Гагаузии и Приднестровья преследовало цель изучения не только порождающих их условия, формы и способы проявления, но и разработку мер содействия доверию или противодействия ему.

В экстремальных условиях, в которых оказались некоторые регионы после распада Советского Союза, как, например, Крым, Приднестровье и Гагаузия, особое значение приобрели мониторинговые обследования «градусов» доверия чиновничеству.

В ходе представительного общероссийского опроса, проведённого в феврале 2009 г. с целью исследования межличностного доверия в России, было выявлено, что доверие близким родственникам находится на уровне 56–57%, друзьям и дальним родственникам – 41–48%. На более дальних кругах доверия складывалось по нисходящей от 21–26% коллегам по работе и соседям, до 9% – знакомым. Анализируя данные этого обследования, ставшего частью международного социологического проекта «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации», заведующий отделом социологии ИНДЕМ (Информатика для демократии) В. Римский в докладе «Коррупция и межличностное доверие в современной России», с которым он выступил на семинаре дискуссионного клуба проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики ВШЭ, пришёл к важному выводу, с которым корреспондируют некоторые итоги этносоциологического опроса, проведённого Р.А. Старченко в 2014 г. в Крыму и в Приднестровье. В. Римский, в частности, считает, что «должностным лицам, имеющим формальные полномочия, доверяют значительно меньше, чем родственникам и близким знакомым»²².

Выявленная в целом ряде этносоциологических исследований иерархия «кругов доверия» является довольно универсальной и колеблется в количественных величинах с незначительной разницей по регионам евразийского пространства.

Вместе с тем существенные различия проявляются в «градусе» доверия, или в близком к доверию чувстве общности респондентов с людьми разного круга и сферы деятельности. Так, например, согласно данным исследований по проекту «Оптимизация трансформационных процессов в Республике Молдова (постсоветский период)», проведённом при поддержке РГНФ (№06-01-91757 е/е) в 2006 г. в Гагаузии, оказалось, что жителей Гагаузии «чувство общности» больше всего объединяет в сфере экономики «с коллегами по учёбе и работе» (67,5%), а также с людьми того же достатка, что у самих опрошенных (51,5%). В сфере культуры и государственности на вершине пирамиды «кругов доверия» первое и второе место занимали соответственно в первом случае – «родные и близкие» (70,6%) и «друзья» (49,3%), во втором – «жители города (села) совместного проживания» (54,3%), а также жители всей Гагаузии (36,6%).

Отсутствие существенных различий в ощущении «чувства общности» между гагаузами, болгарами и русскими дали основание для вывода о наличии единой региональной (территориально-политической) идентичности среди всего населения Гагаузии.

В программу этносоциологического исследования 2014 г. в Приднестровье была включена серия новых вопросов, в т. ч. о критериях доверия граждан согласно тем или иным качествам чиновничества. При этом в соответствии с основным замыслом и конкретными задачами по продолжению исследования региональной идентичности на примере приднестровцев, а также с учётом новейших публикаций по проблемам доверия Френсиса Фукуямы (2004) и Петра Штомпки (2012) измерялись различия в оценках качеств чиновников между молдаванами, украинцами и русскими. Полученные данные о межэтнических различиях оказались поразительными.

Конечная цель этносоциологического опроса состояла не в измерении уровня конкретного «качества» чиновников. Нас более всего интересовал уровень межэтнических различий. Полученные данные подтвердили ранее установленную региональную идентичность, проявляющую себя сильнее этнической.

Первое место в шкале чиновничьих «качеств» в представлениях приднестровцев независимо от их этнической принадлежности, занимали «честность и порядочность» (с разницей между молдаванами, украинцами, с одной стороны, и русскими

Таблица 26

**Критерии доверия чиновникам
(в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)**

		Национальности		
		Молдаване	Украинцы	Русские
1.	Честность, порядочность	60,5	60,5	57,9
2.	Компетентность	40,1	48,9	51,8
3.	Профессионализм	38,9	31,0	23,6
4.	Законопослушность	37,2	40,1	43,3
5.	Исполнительность и эффективность	34,4	40,8	37,1
6.	Инициативность	29,0	31,7	28,4
7.	Хорошие манеры	10,1	10,3	10,8

ми с – другой) всего в 2,6%, на втором – компетентность (с разницей в 11,7% между русскими и молдаванами). Вполне уместно было ожидать, что неэффективность (некомпетентность) чиновников порождает системное недоверие у общества и к обществу.

Ожидание высокой оценки – «честности, порядочности» должностных лиц, находящихся на государственной службе, объясняется установками приднестровцев, что наиболее вероятной моделью исполнения чиновниками своих обязанностей и полномочий могут быть действия в корыстных интересах с минимальными затратами усилий во имя решения проблем социального и повседневного бытия.

Наиболее и наименее высокой оценкой «профессионализма» чиновников, за который им можно было бы доверять, – оказалась разница между молдаванами и русскими. Наименьший размах вариации и вместе с тем наименее высокоочтимой оценкой для приднестровцев оказались «хорошие манеры» чиновника, а также «инициативность». Напомню, что оценке инициативности чиновника и в советские времена, по данным этносоциологических исследований, считалась менее важной по сравнению с исполнительностью и законопослушанием.

Доверие правительству и политическим партиям

Анализируя претензии и ожидания, предъявляемые приднестровцами чиновникам, обращает на себя внимание, во-первых, типологическое сходство уровней доверия к ним как целой социальной прослойке и более конкретно – к правительству. И снова наблюдается поразительное единство во взглядах приднестровцев независимо от их этнической принадлежности. Различия между русскими и украинцами в ожидании от правительства «результативного и эффективного управления экономикой» Приднестровской Молдавской Республики, а также её культурой, спортом и образованием составляет всего 7,2%. Каждые двое из трёх молдаван, украинцев и русских, как видно, ждут от правительства эффективного управления. Вместе с тем приднестровцы понимают, что результативность действий правительства зависит от уровня профессионализма членов правительства. И снова обращает внимание, что по данному «качеству» различие между молдаванами и русскими составляет мизерную величину – 3,8%, при том, что требование высокого профессионализма занимает второе место в шкале «качеств», незначительно опережая ожидания добросовестности, обладания высокими моральными принципами, законопослушания и законоисполнения, прозрачности в принятии и в исполнении решений (см. табл. 27).

И хотя пример ожиданий приднестровцев тех или иных «качеств» от чиновничества и членов правительства не подтверждается известными с царских времён пословицами: «Добрый царь, да плохие бояре», «Не от царей угнетение, а от любимцев царских», «Не царь гнетёт народ, а временщик», тем не менее ещё раз, в данном случае по линии доверие–недоверие, проявляется единообразие региональной идентичности молдаван, украинцев и русских Приднестровья.

Таблица 27

Доверие правительству (в % по итогам опроса в Приднестровье 2014 г.)

		<i>Национальности</i>		
		<i>Молдаване</i>	<i>Украинцы</i>	<i>Русские</i>
1.	Результативно и эффективно управлять (экономикой, культурой, спортом, образованием)	66,6	64,9	67,1
2.	Обладать высоким профессионализмом	46,2	45,2	42,4
3.	Быть добросовестным, руководствоваться моральными принципами	43,3	45,8	41,0
4.	Соблюдать законы и следить за их исполнением	34,7	40,5	42,5
5.	Прозрачность в принятии решений и в их исполнении	23,7	23,5	24,7
6.	Решительность в достижении цели	20,3	19,4	20,2
7.	Проводить реформирование	18,4	18,2	16,1

Недоверие избирателей Гагаузии к политическим партиям Республики Молдова в значительной мере определяется недопониманием между политическими элитами Комрата и Кишинёва. Так, например, уровень доверия русских и гагаузов Коммунистической партии Молдовы едва ли не в два раза ниже, чем у болгар. Вероятно, это можно объяснить отношением населения к невыполнению обещания молдавских коммунистов во главе с лидером В.Н. Ворониным придать русскому языку статус второго государственного языка республики.

Скептическое отношение гагаузы проявляют в равной мере к каждой из трёх партий: коммунистической, демократической и «Патрии». Среди русских доверие к «Патрии» более чем в два раза больше, чем к КПРМ, а среди болгар доверие к коммунистам более чем в два раза больше, чем к Демократической партии Молдовы (см. табл. 28).

Таблица 28

**Доверие политическим партиям
(в % по итогам опроса в Гагаузии
2006 г.)**

	<i>Доверяют партии</i>		
	<i>Компартия Молдовы</i>	<i>Демократическая Молдова</i>	<i>«Патрия» (Родина)</i>
Гагаузы	14,6	10,7	13,2
Русские	12,0	15,2	28,0
Болгары	23,3	10,0	21,1
В среднем	15,3	11,1	23,0

Доверие СМИ

В современном информационном обществе, исключительно важную роль играет телевидение и расширяющиеся масштабы пользования интернетом.

Так, например, по свидетельству А. Папцовой, в Чадыр-Лунге, втором по величине городе Гагаузии, телезрители кабельного телевидения за умеренную плату (20 лей в месяц), помимо программ Молдавского телевидения, могут смотреть 4 российские и 4 украинские телепрограммы²³.

Вопреки противодействию кишинёвских элит, население Гагаузии смотрит телепередачи из России чаще, чем из Молдавии или из соседней Одесской области или Румынии. Более того, вместе с русскими и болгарскими гагаузские теле-

зрители в большей мере доверяют российскому, чем молдавскому телевидению (см. табл. 29).

В 1998 г. доверие в многоязычном Приднестровье к телепередачам в известной мере определялось частотой просмотров на русском, молдавском и украинском языках.

Таблица 29

Просмотр телепередач (в % по итогам этносоциологического опроса 2006 г.)

Национальности	Смотрят телепередачи на языке					
	Молдавском		Русском		Украинском	
	Часто, очень часто	Редко и никогда	Часто, очень часто	Редко и никогда	Часто, очень часто	Редко и никогда
Молдаване	50,4	20,7	74,0	0,9	7,7	68,4
Русские	5,3	79,5	97,3	0,9	7,7	57,8
Украинцы	3,0	81,6	95,9	3,1	36,7	24,4

Даже телевидению Гагаузии, несмотря на сложности его роста и функционирования, в т. ч. из-за нехватки современной аппаратуры и квалифицированных кадров, гагаузы доверяют больше, чем каналам продвинутого кишинёвского телевидения. Что касается предпочтений русских и болгар в выборе телепередач, то представители этих национальностей примерно в равной степени доверяют гагаузскому и молдавскому телевидению (см. табл. 30).

Таблица 30

Доверие телевидению (в % по итогам опроса в Гагаузии 2006 г.)

Национальности	Доверяют телевидению		
	Гагаузии	Молдавии	России
Гагаузы	54,2	42,2	68,2
Русские	36,0	35,2	72,0
Болгары	42,3	44,4	75,6
В среднем	50,0	42,3	68,5
Не доверяют			
Гагаузы	21,3	34,0	13,9
Русские	38,4	43,2	16,0
Болгары	30,0	34,5	12,2
В среднем	24,7	34,3	14,2

Телезрители Гагаузии больше всего не доверяют молдавскому телевидению, больше всего доверяют – российскому. Относительно сходный по доверительности выбор для просмотра телепередач в известной мере также подтверждает наличие единой региональной идентичности.

Устойчивый интерес и ориентация телезрителей Гагаузии на каналы российского телевидения с особой убежденностью проявились

летом 2014 г. Накануне парламентских выборов кишинёвские власти прекратили трансляцию канала «Россия 24», опасаясь влияния российских СМИ на исход избирательной кампании. В Гагаузии между тем не только продолжилась трансляция «России 24», башкан Гагаузии Михаил Формузал также выступил с критикой запрета вещания российских каналов на Гагаузию. «На территории Гагаузии в рамках действующего законодательства, – сказал Михаил Формузал, – все жители будут иметь возможность смотреть разные каналы. Никому и ничего запрещать мы не собираемся».

Решение Координационного Совета по телерадиовещанию было принято в угоду и по поручению той части кишинёвской элиты, которая делала всё возможное для «зачистки информационного поля» в целях сокращения информационного пространства для русскоязычных избирателей²⁴.

Одновременно с приостановлением вещания телеканала «Россия 24» в Республике Молдова и на Украине было продолжено отключение российских телеканалов. В городах, взятых под контроль украинскими войсками, отключалась трансляция российских телеканалов и возобновлялось вещание украинских.

Заключение

Феномен приднестровской языковой лояльности и этнорегиональной идентичности складывался в круговороте российской и европейской истории в ходе длительной самообороны приднестровцев от различного рода внешних угроз. В постсоветский период она укреплялась в условиях политического давления Кишинёва, в т.ч. под огромным влиянием вооружённого конфликта 1992 г. Немалую роль сыграли идеологический фактор, обретение Республикой Молдова суверенитета, а также стратегия построения независимой Приднестровской государственности.

В научной литературе дана высокая оценка профессионального мастерства некоторых авторов, исследовавших приднестровский конфликт и проблемы непризнанных государств, особенно это касается систематизации и типологизации источников и историографии. Сказался советский опыт высокого уровня исторических исследований. Здесь же, в заключительной части исследования языковой жизни и феномена этнорегиональной идентичности приднестровцев, позволю себе усомниться в корректности некоторых из выводов. Когда, например, утверждается, что «Главными причинами противостояния <...> является стремление союзного центра сохранить СССР, а после его распада стремление оказывать влияние на новые молдавские власти со стороны РФ. В основе же лежит, – как настаивает тот же автор, – вечное желание контролировать ресурсы, что в случае с Приднестровьем вылилось в борьбу за приднестровский экономический потенциал между республиканскими властями аграрной Молдовы и приднестровским директором, укрепившимся благодаря, в первую очередь, прямой подотчётности союзным властям “мимо” республиканских и обладающим значительным экономическими и людскими ресурсами»²⁵.

С этой оценкой, навеянной традиционным «либеральным» стремлением во всех бедах и грехах обвинять Советский Союз, а сегодня и Россию, можно было бы согласиться, если бы не было итогов семи приднестровских референдумов, в которых проявилось единодушное волеизъявление приднестровцев сохранить свою этнорегиональную идентичность, свои этнокультурные ориентации на русскоязычие и русскокультурие, на великое культурное наследие, сообладателем которого жители Приднестровья являются вместе со всеми народами России. Приглушённое признание в том, что приднестровский конфликт «был развёрнут правящими кругами,

и втягивание в конфликт происходило не из-за наличия неприязни и межэтнической вражды, а под влиянием пропаганды, что позволяет характеризовать конфликт как политический, экономический, конфликт идентичностей и элит». Если под «конфликтом идентичностей» подразумевается конфликт между региональной идентичностью приднестровцев и этнической идентичностью кишинёвской политической элиты, то у меня возражений к этой части выводов нет.

Концепция региональной идентичности приднестровцев, выдвинутая мной первоначально на основе анализа итогов этносоциологического исследования 1998 г., нашла поддержку у ряда исследователей, прежде всего в трудах известного молдавско-приднестровского историка и политолога Н.В. Бабилунги²⁶.

Он, в частности, одним из первых указал, что «сохранение и развитие *территориальной* идентичности населения Приднестровья, формирование социокультурной полиэтнической общности народа региона, способствует осознанию им своей уникальности и обеспечивает право на самоопределение. В условиях существующего паритета между различными этническими группами, – прогностически писал он за 7 лет до беспрецедентного референдума 2006 г., – эти процессы превращаются в фактор долговременной и политической стабильности. Благодаря ему регион, взрывоопасный по своему геополитическому положению и значению, почти не знает межэтнических трений и конфликтов»²⁷.

Во-вторых, в анализе *этнорегиональной* идентичности приднестровцев, которую Н.В. Бабилунга номинировал в качестве «*территориальной* идентичности» (выделено мной – М.Г.), важное значение имеет общеисторический фон, в контексте которого эта идентичность зародилась и продолжает развиваться. Речь идёт о том, что значение и роль Приднестровского региона определяются «его местом в системе проблем сложного и запутанного вопроса, который породил ряд кровопролитных войн и конфликтов в истории и современном обществе, возникший как вопрос о разделе «турецкого наследства» между великими державами в ходе ослабления Османской империи»²⁸.

Региональная идентичность приднестровцев, как одна из опорных основ устойчивости государственности непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, сегодня стала достоянием доктринальной риторики некоторых аналитиков, политиков и общественных деятелей. Так, например, в одной из новейших публикаций, в которой анализируется этнополитическая ситуация Приднестровья в условиях согласованного ужесточения блокадных мер со стороны Киева и Кишинёва, автор сочувственно цитирует слова президента ПМР Е. Шевчука о межнациональном единстве в самосохранении государственности Приднестровья и воспринимает его как синоним региональной идентичности. «Межнациональное единство и согласие, – по словам Е. Шевчука, – является фундаментом, который позволяет преодолевать сложности на протяжении всей приднестровской истории. <...> Можно понаблюдать, как поддерживается это межнациональное единство, наверное потому, что мы толерантно относимся к языковым процессам. Как известно, в Придне-

строве три официальных языка: русский, молдавский, украинский. <...> У нас нет межнациональной розни». Комментируя высказывание президента ПМР Е. Шевчука о роли межнационального единства, автор статьи утверждает, что в Приднестровье сложилась «уникальная региональная идентичность, базирующаяся на общих <...> духовно-нравственных основах, среди которых важное место занимает память о совместно пережитых событиях начала 1990-х гг., сопереживания за будущее республики, готовность отстоять её мир и спокойствие»²⁹.

Большая часть кросс-культурных исследований и публикаций, касающихся референдумов, справедливости и доверительности, посвящены общим принципам и нормам. Однако о смыслах, которые вкладываются в понятия доверия и доверительности в разных сферах жизни, а также по отношению к разным людям, в т.ч. с учётом их этнической или региональной принадлежности, по уровню образования или профессии, нам известно относительно немного.

Подход к доверию как комплексу норм и принципов общего характера выполняет важную эвристическую функцию, но не позволяет успешно решать возникшие проблемы на примере каждого референдума.

В сфере этногосударственных и межэтнических отношений трудно предлагать какие-либо конкретные прогнозы, кроме того, что обе фундаментальные категории – и государственность, и этничность – исторически рассчитаны на длительное существование. Тем не менее каждая из названных категорий выступает гарантом социальной и психологической защиты личности. Пример приднестровской идентичности убеждает в её правомочности и эффективности в деле самозащиты и «самоспасения», в стремлении к социальной справедливости»³⁰.

Следовательно, можно ожидать, что региональная идентичность приднестровцев, попавших в новом тысячелетии под жернова острейших «выяснений отношений» между крупными государствами – носителями и выразителями геополитических интересов, сыграет позитивную роль в самосохранении своего культурного наследия представителями всех национальностей края.

Я отдаю себе отчёт в том, что референдумы в Приднестровье, Крыму и Гагаузии оставят след в этнополитической истории, в т.ч. в сферах этногосударственных и межэтнических отношений и внесут свой вклад в создание европейского регионалистского движения. Состоявшиеся референдумы – это не только и не просто политическая акция в защиту региональной самобытности, но вместе с тем побуждение к мобилизации территориального и этнокультурного потенциала, который политические элиты государств, в т.ч. Киева и Кишинёва, недооценивают и пытаются подавить.

Более того, я уверен, что европейское дипломатическое давление, экономическая блокада, стремление внешних сил лишить приднестровцев суверенитета, не смогут с лёгкостью решить задачу по ликвидации Приднестровской Молдавской Республики как самопровозглашённой государственности. Для самосохранения региональной идентичности приднестровцев и Приднестровской Молдавской Республики надо прежде всего отстоять мир и исключить вероятность нового конфликта

на берегах Днестра. Так считает известный приднестровский политик, крупный общественный и государственный деятель Андрей Михайлович Сафонов, и прекрасно владея ситуацией, предлагает ряд мер: «Во-первых, инициировать переговоры с Молдовой о дополнительных мерах доверия в зоне безопасности молдо-приднестровского конфликта.

Во-вторых, предложить Молдове заключить Соглашение о неприменении силы при решении любых спорных вопросов.

В-третьих, начать постоянные консультации с МИДом Украины о поддержании мирного и нормального положения на приднестровско-украинской границе.

К этой работе, по мере необходимости, разумно привлечь пограничников и военных с обеих сторон.

В-четвёртых, предложить военным наблюдателям от Украины, проходящим службу в ПМР в количестве 10 чел., зафиксировать на основании реального положения дел, отсутствие всяких враждебных намерений со стороны нашей Республики в отношении Украины.

В-пятых, усилить отработку («на всякий пожарный») взаимодействия между приднестровскими и российскими войсками.

В-шестых, предложить Киеву и Кишинёву подписать Декларацию Мира, в которой зафиксировать общую приверженность Приднестровья, Молдовы и Украины только мирным путям решения политических проблем»³¹.

Панорамное освещение когнитивных и поведенческих, языковых и аспектов доверия в референдумах Приднестровья, Крыма и Гагаузии обладает некоей самостоятельной ценностью. Вместе с тем понятно, что синтез и интеграция их целей, доктринальных установок и итогов заслуживают постоянного мониторинга и внимания, в т.ч. в контексте трёх вариантов современного нациестроительства: молдавского, российского и украинского.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ^{1.} Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, М., 2015. № 241.
- ^{2.} Ткачук М. Молдавские элиты готовятся убить собственную страну // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 27.
- ^{3.} Губогло М.Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей: опыт Приднестровья // Незпризнанная республика: очерки, документы, хроника. М., 1999. Т. 3. С. 59–73; *Его же*. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 95–106. С. 95–110; Сафонов А. Приднестровье: сигнал тревоги через 70 лет после Победы // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 78–80.
- ^{4.} Карлов В.В. Рец. на кн.: Губогло М.Н. Антропология повседневности // Вестник антропологии. М., 2015. С. 201–205.
- ^{5.} Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. 603 с.
- ^{6.} Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984; *Его же*. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006; *Его же*. Двуязычие как национальное достояние // Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9: Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.; Ижевск, 2006. С. 572–638; *Его же*. Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва 22–23 октября 2007. М., 2007. С. 48–58; *Его же*. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период. С. 95–106; *Его же*. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.; *Его же*. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. М., 2014.
- ^{7.} Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 8.
- ^{8.} Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001. С. 31.
- ^{9.} Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 36.
- ^{10.} Там же. С. 194.
- ^{11.} Губогло М.Н. Именем языка; *Его же*. Русский язык – национальное. С. 48–58; *Его же*. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период. С. 95–106. *Его же*. Симбиоз этнической и региональной.
- ^{12.} Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации. (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.). М., 2014; Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности.
- ^{13.} Губогло М.Н. Ресурсы этнополитических процессов. (Истоки этнополитики) // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 25-й годовщине Комратского Государственного университета. 4 февраля 2015 г. Т. 2. Лингвистика, история и культура / Под общ. ред. Л.В. Федотовой. Комрат, 2016. С. 424–447.
- ^{14.} Буджак: историко этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины: Книга для чтения / Под ред.: А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса, 2014. С. 652; см. рец. М.Н. Губогло. Буджак: бренд Новороссии или сегмент украинского национализма // Вестник антропологии. М., 2015. С. 5–25.
- ^{15.} Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР; *Его же*. Контурсы этнополитической социолонгвистики // Междисциплинарные исследования в контексте социокультурной антропологии. М., 2004. С. 40–75; *Его же*. Русский язык в этнополитической истории гагаузов; *Его же*. Симбиоз этнической и региональной идентичности; *Его же*. Ресурсы этнополитических процессов. С. 424–447.
- ^{16.} Таблица составлена и расчёты произведены по источнику: Recensaminatul populatiei. 2004. Vol. 1. Chisinau, 2006. P. 301–305.
- ^{17.} Fishman Joshua A. Who Speakes what Language to whom and when? // Linguistique. 1965. № 2. P. 67–88.

18. Таблица разработана по источникам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., М., 1973. Т. 4. С. 270–278; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. Т. 4. Ч. 1. Кн. 3 (для служебного пользования). С. 57; Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения СССР в 1989 г., М., 1991. С. 123.
19. Губогло М.Н. Русский язык – национальное достояние народов России. С. 48–58; *Его же*. Страсти по доверию; *Его же*. Энергия доверия.
20. Можно ли доверять людям? // Интернет-ресурс: http://poziciya_tver.ru/index.php?catid=104:2011-06-19-18-41-198id=
21. Индексы доверия представляют собой дробь, в числителе которой сумма «согласных» и «скорее согласных» с тем, что людям можно доверять, а в знаменателе – сумма «скорее несогласных» и полностью «не согласных».
22. Грузинцева В. Недоверие чиновникам способствует распространению коррупции. Цит. по: // Интернет-ресурс: <http://www.hse.ru/news/271493351.html>
23. Папцова А.К. Религиозный плюрализм в Гагаузии: тенденции последнего десятилетия // Интернет-ресурс: <http://turkology.tk/library/242>
24. В Гагаузии продолжается трансляция «России 24», несмотря на запрет Кишинёва // Интернет-ресурс: <http://www.cableman.ru/node/16670>
25. Интернет-ресурс: <http://www.disercat.com/content/pridnestrovskii-konflikt-i-problema-nepriznannykh...>
26. Губогло М.Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. С. 43–94; Бабилунга Н.В. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999; Губогло М.Н. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период. С. 95–106.
27. Бабилунга Н.В. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999. С. 192–193.
28. Там же. С. 187; *Его же*. Тайна Приднестровского феномена // Феномен Приднестровья / Под ред. Н.В. Бабилунга / 2-е изд. Тирасполь, 2003. С. 177–188.
29. Хабалов А. Приднестровье в условиях ужесточения блокадных мер // Молдо-Приднестровский регион, № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 66.
30. Фролов А.К. Самоспасение // Непризнанная республика. Т. 5 / Под ред. М.Н. Губогло. М., 1999. С. 31–42.
31. Сафонов А. Приднестровье: сигнал тревоги через 70 лет после Победы // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 80.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001. 288 с.
2. *Бабилунга Н.В.* Территориальная идентичность как фактор политической стабильности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999.
3. *Бабилунга Н.В.* Тайна Приднестровского феномена // Феномен Приднестровья / Под ред. Н.В. Бабилунга / 2-е изд. Тирасполь, 2003. С. 177–188.
4. *Бабилунга Н.В., Бомешико Б.Г.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь, 1998.
5. Буджак: историко этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины: Книга для чтения / Под ред.: А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса, 2014. 744 с.
6. *Галинский И.* Экономическая война против Приднестровья // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 68–70.
7. *Гольдин Г.* Как развязать приднестровский узел // Власть. 2001. № 1.
8. *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. 288 с.
9. *Губогло М.Н.* Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей: опыт Приднестровья // Непризнанная республика: очерки, документы, хроника. М., 1999. Т. 3.
10. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. 765 с.
11. *Губогло М.Н.* (а) Контурсы этнополитической социолнгвистики // Междисциплинарные исследования в контексте социокультурной антропологии. М., 2004. С. 40–75.
12. *Губогло М.Н.* (б) Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М., 2004. 432 с.
13. *Губогло М.Н.* (а) Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М., 2006. 498 с.
14. *Губогло М.Н.* (б) Двуязычие как национальное достояние // *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Т. 9: Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.; Ижевск, 2006. С. 572–638.
15. *Губогло М.Н.* Русский язык – национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва 22–23 октября 2007. М., 2007. С. 48–58.
16. *Губогло М.Н.* Языковая жизнь молдаван в постсоветский период // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 95–106.
17. *Губогло М.Н.* Антропология повседневности. М., 2013. 752 с.
18. *Губогло М.Н.* (а) Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2014. 214 с.
19. *Губогло М.Н.* (б) Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. М., 2014. 222 с.
20. *Губогло М.Н.* Симбиоз этнической и региональной идентичности (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, М., 2015. № 241. 79 с.
21. *Губогло М.Н.* Ресурсы этнополитических процессов. (Истоки этнополитики) // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 25-й годовщине Комратского Государственного университета. 4 февраля 2015 г. Т. 2. Лин-

- гвистика, история и культура / Под общ. ред. Л.В. Федотовой. Комрат, 2016. С. 424–447.
22. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукринизации. (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 239. М.; ИЭА РАН, 2014. 72 с.
23. Дудчак А. Угроза агрессии – шанс ПМР на признание? // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 61–63.
24. Карлов В.В. Рец. на кн.: Губогло М.Н. Антропология повседневности // Вестник антропологии. М., 2015. С. 201–205.
25. Мартынова М.Ю. Этнический фактор в Косовском конфликте // Этничность и религия в современных конфликтах / В.А. Тишков (отв. ред.), В.А. Шнирельман. М., 2012. С. 378–417.
26. Мартынова М.Ю. Украинцы в России – диаспоры или сограждане? // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. М., 2014. С. 227–234.
27. Непризнанная республика: очерки, документы, хроника. М., 1997. Т. 1, 2; 1999. Т. 3, 4, 5.
28. Песков В. 1930–2013 // Интернет ресурс <http://www.kp.ru/daily/23031/3662>
29. Сафонов А. Кто стоит за атакой на главу КГБ Приднестровья? // Интернет ресурс <http://500.ru/novosti/pmr-i-moldova/andrei-safonov-kto-stoit-za-atakoi-na-glavu-kgb-pridnestroja.html>
30. Сафонов А. Приднестровье: сигнал тревоги через 70 лет после Победы // Молдово-Приднестровский регион, № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 78–80.
31. Ткачук М. Молдавские элиты готовятся убить собственную страну // Молдо-Приднестровский регион. № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 26–28.
32. Фролов А.К. Самоспасение // Непризнанная республика. Т. 5 / Под ред. М.Н. Губогло. М., 1999. С. 31–42.
33. Хабалов А. Приднестровье в условиях ужесточения блокадных мер // Молдо-Приднестровский регион, № 3–4 (26–27). М., 2015. С. 63–67.
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. 603 с.
35. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., Логос, 2012. 450 с.
36. Язык и национализм в постсоветских республиках / Сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1994. 216 с.
37. Fishman Joshua A. Who Speakes what Language to whom and when? // Linguistique, 1965. № 2. P. 67–88.
38. Fishman Joshua A. Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon. Philadelphia, 1989. 717 p.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 Брук С.И. Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 Иванова Ю.В. Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 Бушков В.И. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 Брусина О.И. О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 Сагаева С.К. Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 Иванова Ю.И. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И. О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 Брук С.И. Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 Гурвич И.С., Батьянова Е.П. Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 Осипов А.Г. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).

- №18 Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакаской АО (май–июнь 1990 г.).
- №19 Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Меннониты Оренбургской области.
- №20 Брусина О.И., Осипов А.Г. К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 Григорьева Р.А. Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 Емельянов В.М. Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 Абашин С.Н., Бушков В.И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 Молчанов М.А. Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины.

Серия Б:

- №1 Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 Крюков М.В. Политика национальной автономии в Китае.
- №3 Стельмах В.Г. Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 Кожановский А.Н. Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 Сагаева С.К. Российское казачество.
- №29 Островидова Е.Ю. Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.
- №30 Тер-Саркисянц А.Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.

- №31 Сатвалдыев А.Н. К характеристике религиозной ситуации в Шахимардане (Узбекистан).
- №32 Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 Гузенкова Т.С. Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 Празаускас А.А. Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 Соколова И.В. Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение звенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 Малькова В.К. Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 Москаленко Н.П. Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 Бутанав В.Я. Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 Батьянова Е.П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 Малькова В.К. Пресса о современной этнической ситуации в Татарстане.
- №42 Бухаев С.С. Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы.
- №45 Бабич И.П. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 Кыдыева В.Я. К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.

- №47 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 Лопуленко Н.А. Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 Тер-Саркисянц А.Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 Червоная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1991–1993 гг.).
- №58 Таболина Т.В. Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 Филиппов В.Р. Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993 гг.).
- №60 Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
- №61 Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 Столярова Г.Р. Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 Шаров В.Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 Бирин В.Н. Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д. Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 Восходов И.И., Комарова Г.А. Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 Шаббаев Ю.П., Розачев М.Б., Котов О.В. Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 Аккеева С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской республике.
- №69 Абаева Л.Л., Крянев Б.П. Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994 г.).

- №70 Хаджибиев Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г.
- №72 Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 Куликов К.И., Христолюбова Л.С. Этнополитическая ситуация в Удмуртской республике в 1993г.
- №74 Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 Зубков А.А., Маресев В.В. Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 Губогло М.Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: история и современное состояние.
- №83 Ильин В.И. Республика Коми: этнос и политика.
- №84 Мартынова М.Ю. Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 Рубан Л.С. Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 Смольникова Н.В. Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.

- №89 Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В. Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 Кульчик Ю.Г. Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А. Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 Михайлов С.С. Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / Брусина О.И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; Митина Д.А. Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.
- №95 Малькова В.К. Русское население в российских республиках.
- №96 Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 Лопуленко Н.А. Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 Каган, Микаэлла. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 Червоная С.М. Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 Малькова В.К. Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
- №104 Жуковская Н.Л. Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 Аринин А.Н. Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 Шаббаев Ю.П., Пешкова В.М. Русские в республике Коми.
- №107 Ямсков А.Н. Русское население в полиэтничных районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.

- №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
 №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (По данным опроса московских школьников).
 №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
 №113 *Червоная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
 №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточно-Европейский ареал.
 №115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
 №116 *Сирина А.А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
 №117 *Смоляникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: Этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
 №118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
 №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.
 №120 *Абашиш С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
 №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
 №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
 №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
 №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
 №126 *Сирин А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
 №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
 №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.

- №129 *Червоная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
 №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
 №132 Перепись – 2002: проблемы и суждения.
 №133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность.
 №134 *Ярлыкпалов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
 №135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
 №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
 №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
 №138 Города Подмосквья: Этнодемографические и гендерные проблемы.

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносociальные проблемы.
 №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия звенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).
 №141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
 №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтничные мигранты: Взгляд друг на друга.
 №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
 №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
 №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
 №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
 №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
 №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.

- №150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.

- №151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России.
 №152 *Сирин А.А.* Народы Севера Иркутской области.
 №153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
 №154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
 №155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
 №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.
 №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
 №158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
 №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
 №161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
 №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов).
 №163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
 №164 *Аксенова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
 №165 *Анапбан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
 №166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 *Харитонов В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
 №168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
 №169 *Фаус О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
 №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
 №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).

- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межкультурной толерантности.
- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.).
- №174 *Губогол М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Гречёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 *Финно-угорские народы России: Общее положение, проблемы и решения.*

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирин А.А., Фонда Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.

- №191 *Анайбан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.
- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI в.).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шаббаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Банаева М.Г.* Бурятская община Москвы.

2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирин А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.П.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа.

2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.

- №210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
- №211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
- №212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.
- №213 *Бабич И.П.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI в.
- №214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
- №215 *Бабич И.П., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
- №217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
- №218 *Европейская языковая Хартия и Россия.*
- №219 *Заурбекова Г.В.* Технология манипулирования этнополитическим конфликтом в Чеченской республике (1991–1999 гг.).
- №220 *Оларин Д.А., Уманская А.И.* Проблемы природопользования саамов Кольского полуострова и инуитов Восточно-Канадской Арктики (Нунавут).
- №221 *Шльегина Н.В.* Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус.
- №222 *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые диаспоры (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани и Красноярска).
- №223 *Миссонова Л.И.* Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 г. до переписей XXI-го века.

2011 г.

- №224 *Устинова М.Я.* Неграждане Латвии: статус и перспективы интеграции.
- №225 *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России и современность.
- №226 *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи.
- №227 *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве.

2012 г.

- №228 *Популенко Н.А.* «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990–2011 гг.): аналитический обзор.

№229 Комарова Г.А. Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований.

№ 230/231 Социокультурные последствия Чернобыльской аварии.

№ 232 Устинова М.Я. Основные проблемы применения в Латвии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

№ 233 Малькова В.К. Полиэтническая Москва 2011–2012 гг.: «тревожные звонки в информационном пространстве».

2013 г.

№ 234 Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные педагогические подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества.

2014 г.

№ 235 Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы.

№ 236 Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации.

№ 237 Белова Н.А. Молодежь русской провинции (на примере города Нерехты Костромской области).

№ 238 Гаер Е.А., Батьянова Е.П., Шпинев В.Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постперестроечной действительности (по материалам этнографической экспедиции в Хабаровский край в августе – сентябре 2012 года).

№ 239 Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.).

№ 240 Остапенко Л.В., Субботина И.А. Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI вв.)

2015 г.

№ 241 Губогло М.Н. Симбиоз этнической и региональной идентичности.

№ 242 Тишков В.А. Ярость благородная... Великая победа и советский народ (антропологический подход).

№ 243 Малькова В.К. «Крым наш!» в российском информационном пространстве.

№ 244 Снежкова И.А. Армянская церковь в Москве.

№ 245 Элиштейн А.Д. Европейское еврейство в начале XX начале XXI вв.: исчезающие этнокультурные общности?

№ 246 Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь вне России: Киргизия.

№ 247 Григулевич Н.И. Опыт исторического и этноэкологического анализа Верхневолжского региона.

2016 г.

№ 248 Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Кол. авт.: Р.Н. Игнатъев, А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова, Е.В. Холлер.

№ 249 Агеева Е.А., Данилко Е.С. Казаки-уральцы – этнолокальная группа русских в Средней Азии и Казахстане.

№ 250 Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации.

№ 251 Губогло М.Н. Гагаузия и Приднестровье – юго-западные форпосты Русского мира (по итогам этносоциологических исследований).

Подписано к печати 12.01.2016 Тир. 100 экз. Печ. л. 3,1 Заказ № 92

Участок множительной техники ИЭА РАН, Ленинский пр., 32 А.

Губогло Михаил Николаевич - Заведующий ЦИМО ИЭА РАН. Сфера научных интересов: этносоциология, этнополитология, тюркология, социолингвистика. Автор более 500 публикаций, в том числе 22 индивидуальные или написанные в соавторстве книги. Среди них: «Антропология повседневности». М., 2013. 752 с.; Гагаузы в мире и мир гагаузов. Том 1 - 756 с., Том 2 - 1012 с. Кишинев., 2012. Автор идеи, основных разделов, составитель и редактор.

Guboglo Mihail Nikolaevich - Head of the Centre for the Study of Inter-ethnic Relations IEA RAS. Scientific interests: ethnosociology, ethnopolitology, turkology, sociolinguistics. The author more than 500 publications, including 22 individual or co-wrote the book. «Anthropology of everyday life». M. 2013. 752 p.; Gagauz people in the world and the Gagauze's world. Vol. 1 - 756 p., Vol. 2 - 1012 p. Kishinev, 2012. The author of the idea, main sections, compiler and editor.

ISBN 978-5-4211-0159-8

9 785421 101598